

★ А ★ Л ★ Е ★ К ★ С ★ Е ★ Й ★

КРЫСА

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

ГОСПОДИН ПОСРЕДНИК

Алексей Игоревич Бессонов

Господин Посредник

Серия «Господин Посредник», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118536

Алексей Бессонов. Господин Посредник: ЭКСМО; Москва; 2003

ISBN 5-699-02887-0

Аннотация

Умиравший князь Эйно Лоттвиц передал юному Маттеру не только свой титул, но и нечто большее. Маттер стал Посредником, одним из трех людей, связанных с могущественными расами Галактики. В чужой и незнакомой стране он стремится отыскать врага и отомстить за смерть своего покровителя. Загадочный Череп из черного хрусталя в руках юноши стал приманкой, притягивающей к нему заговорщиков, которым плохие парни из Космоса вознамерились помочь в борьбе за власть над его родной планетой...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	39
Глава 4	66
Глава 5	83
Глава 6	95
Глава 7	114
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Алексей Бессонов

Господин Посредник

Часть первая

Глава 1

В сущности, все пеллийские города похожи друг на друга, и лишь столица имеет индивидуальные, одной ей присущие черты. В чем тут дело – сказать мне было трудно, так как историю я знал далеко не блестяще. Кажется, это был самый древний город королевства... а может быть, суть не в этом. Столица поглотила меня, растворила в своих теплых сумерках, наполненных желтым светом уличных фонарей, и я наконец смог почувствовать себя в безопасности: вряд ли Монфору удалось бы найти меня здесь, в этом громадном, кишашем приезжими муравейнике.

До столицы я добирался сложным зигзагообразным маршрутом. Из Альдоваара я отплыл той же ночью, купив себе место на большой шхуне, которая шла на остров Гиер. Следующим вечером, расплатившись с хмурым немногословным шкипером и сведя на берег своего коня, я пересек половину острова и к полуночи оказался в рыбацком порту,

где почти сразу же договорился с хозяином брига, отправлявшегося на континент. Бриг, промотавшись под холодным ливнем больше двух суток, вошел в огромный порт Шалин. Через полчаса я продал коня и смешался с толпой паломников, направлявшихся в столицу на ежегодный храмовый праздник.

Столица встретила меня желтоватым полумраком позднего вечера, еще не успевшего растерять дневную жару. Я выбрался из дилижанса на поле Ноора и отправился искать неприметную гостиницу. Здесь их было множество. Узенькие кривые улочки старого города там и сям встречали меня разнообразными вывесками и светящимися окнами ресторанчиков. После некоторого раздумья я остановился возле серого шестиэтажного здания гостиницы «Королева Милена». Судя по чистеньким дверям и шторам на узких стрельчатых окнах, заведение было не из дешевых, но в то же время и не слишком-то роскошным — именно то, что мне сейчас и требовалось. Распорядитель с поклоном принял плату за сутки и выдал мне ключи от номера на пятом этаже. Я отказался от услуг мальчишки-носильщика и, подхватив свои пожитки, отправился по крутой мраморной лестнице наверх. Номер меня не разочаровал: окна выходили во двор, где находились каретные сараи, и главное, к левому крылу здания, буквально в пяти локтях от окна моей спальни, примыкало темное четырехэтажное строение. При наличии ловкости можно было выбраться из окна, проползти по кирпичному

карнизу и спрыгнуть на широкую, поросшую мхом крышу, а оттуда – уйти в глубь квартала и затеряться в узких старинных двориках.

Сбросив с себя пыльное дорожное платье, я умылся холодной водой и, достав из саквояжа письменные принадлежности, разжег газовую лампу и принялся писать записку. Потом я вызвал портье: мне срочно требовался посыльный.

Вслед за посыльным прибыл ужасно серьезный мальчишка в салатном мундире со множеством серебряных шнуров, в руках он держал пухлую кожаную папку. Сперва я не понял, кто это, но тут до меня дошло, что в номере за пару золотых я могу рассчитывать на некоторые непривычные мне услуги – мальчишка был младшим метрдотелем ресторана.

Держался он с достоинством, но в высшей степени корректно: такие манеры, как подумалось мне, сделали бы честь некоторым аристократам моей несчастной родины. Слушая его журчащее бормотание, я полистал меню и остановился на легком ужине и красном вине, чем немало огорчил юного «метра». Наверное, он рассчитывал на большее.

За окнами окончательно стемнело, в небе зажглись первые звездочки. С улицы повеяло прохладой, и я вдруг ощутил огромную усталость: по мостовой простучали копыта чьего-то коня, потом скрипнул отъезжающий фаэтон – я невольно прикрыл глаза и подумал, что последние дни мне пришлось держаться исключительно на своем страхе. Теперь страх отступил, и я сразу почувствовал себя отчаянно сла-

бым и измученным мальчишкой, приехавшим в совершенно незнакомый ему город.

Начали ли меня искать? Иллари наверняка догадается, что вынудило меня скрыться, и позволит мне какое-то время отсидеться, чтобы прийти в себя, а потом он, несомненно, начнет искать способы выйти со мной на связь. Только я знаю, где находится Череп. Именно мне Эйно передал свое имя и свое дело – без меня Иллари не обойтись, – но все эти обстоятельства, будучи сваленными в одну кучу, превращали меня в мишень.

В мишень! Но для кого – для Монфора?

Все те дни, что ушли на дорогу до столицы, я ломал голову над странной убежденностью погибшего Эйно Лоттвица в том, что налет на опустевший в преддверии храмового праздника замок Лоер – дело рук именно его, загадочного Рэ Монфора. Мотив был мне вполне понятен, убийц интересовал Череп, и ничто иное... но ведь Монфор мог получить его и так! Именно Монфора спешил уведомить Эйно, едва наш «Бринлееф» вошел в пеллийские воды. Именно его ждал он в Альдовааре в последние дни перед смертью – для чего же тогда Монфору понадобилось убивать своего ближайшего, как я уже знал, соратника?

Никакой логики...

Крабовый салат и небольшая коллекция острых, сладковатых сыров отвлекли меня от размышлений. Я налил себе легкого вина, которое пахло разогретой солнцем степью, и

подумал, что все неразрешимые вопросы следует оставить на потом. Сейчас меня беспокоили куда более насущные вещи. Столицы я не знал.

Оставалось надеяться лишь на удачу – и она не замедлила явиться на порог собственной персоной.

Сперва в номер постучал отправленный мной посыльный, но мальчишка не успел вымолвить и двух слов, как я увидел того, кому адресовал свою короткую записку, – он вихрем ворвался в комнату и с шутливой миной сорвал широкополую белую шляпу.

За то время, что мы не виделись, Энгард Дериц изменился – почти неуловимо, и в то же время значительно. В глазах появилась незнакомая мне уверенность, свойственная людям, нашедшим ответ на важные вопросы, жесты и даже походка приобрели некую стремительность, небрежную точность: юноша неожиданно превратился в мужчину, знающего свое место и свою цену. Для меня это было неожиданно. Я предполагал увидеть любопытного и романтического мальчишку, а передо мной стоял вполне взрослый, уверенный в себе парень.

– Ну, рассказывай! – набросился на меня Энгард после обмена приветствиями. – Ты здесь что, один? А где его светлость?

– Эйно Лоттвиц мертв. А князь Лоттвиц-Лоер... в общем, теперь это я.

Дериц опустился на стул и помахал в воздухе своей шля-

пой.

– Ты не поверишь, но у меня было что-то вроде предчувствия. Тогда еще, когда твой патрон приехал к нам за старыми картами... мне сразу показалось, что тебя ждет довольно бурное будущее. Какая-то аура, что ли: я давно уже замечаю за собой некоторые странные вещи. Но все это... после. Рассказывай.

– Ты ужинал? – перебил его я.

– Я не успел: едва приехал гостиничный мальчишка, я прыгнул в седло и помчался вслед за ним.

Я дернул за шнур колокольчика. Когда портье и метрдотель, на сей раз вознагражденный за свое терпение довольно обильным заказом, удалились, я раскурил трубку, плеснул Энгарду вина в серебряный бокал из буфета и уселся на подоконник.

– Мы были в Рашеро, – начал я. – И мы добыли этот, будь он неладен, Череп – уникальную реликвию Прежних, за которой по всему свету охотились фанатики-кхуманы... там, в Рашеро, они едва не снесли всем головы, но нам удалось выдержать осаду и спастись. Ты знаешь, кто такие Прежние, Энни? Наша планета не всегда принадлежала людям...

– Что-то такое я слышал в королевском лицее, – задумчиво кивнул Дериц. – И о реликвиях я тоже слышал. Но ты уверен, что все это правда – нас сюда кто-то привел и раньше тут жили какие-то демоны?..

– Никто нас сюда не приводил. Наши предки пришли сюда

сами. Пришли умирать. Я расскажу тебе потом, потому что все это довольно долгий разговор.

Важно то, что мы достали этот проклятый Череп. Кхуманы едва не разрезали меня на кусочки, потом они осадили крохотную крепость на берегу океана, где мы засели в ожидании корабля – и если бы не удивительные пушки покойного князя, я вряд ли увидел бы Пеллию. Мы потеряли очень много людей, сам я настрелялся на год вперед – но, как видишь, нам все-таки удалось вернуться, и я здесь... князь Маттер Лоттвиц-Лоер и Гасарпаар. Эйно погиб пять дней назад, и теперь я, имея все соответствующие моему новому достоинству бумаги, вынужден бежать, скрываясь от его убийц.

– Кто-то оспаривает титул? Прямые наследники? – быстро спросил Энгард, подаваясь вперед.

– Насколько я знаю, детей у него не было, – отозвался я и пошел открывать дверь официантам.

Стоявший возле окна стол застелили роскошной хрустящей скатертью, вместо простых серебряных бокалов появились тонкие, украшенные золотой насечкой, вина были поданы прямо в запечатанных кувшинах, а сыры и зелень – на тарелочках из ароматного красного дерева.

– Недурно, – заметил Энгард, когда официанты корректнейше приняли чаевые и удалились.

– Денег у меня полно, – безразлично ответил я.

– Вернемся к титулу, – предложил Дериц, ворочая вилкой в салате. – Ты считаешь, что Эйно убили не из-за этого? Ты

знаешь, сколько людей каждый год гибнет из-за этой древней традиции? Королевская канцелярия давно хотела отменить обычай «харран», слишком уж много вокруг него льется крови, но Сенат стоит как приросший – «не дозволяем», всеми ста голосами.

– На титул им совершенно наплевать. Все дело в Черепе.

Глаза Дерица вдруг вспыхнули уже знакомым мне мальчишеским блеском.

– Что же в нем такого?

– Это не просто реликвия, Энни. Это очень опасная вещь, и те, кто за ним охотится, хорошо знают, как его можно использовать. Понимаешь, я попал в столицу именно потому, что, умирая, Эйно назвал мне одно имя...

– И обладатель этого имени живет в столице?

– Ты, как всегда, догадлив.

– И покойный князь сказал тебе, что убийц направил именно он? То есть ты хочешь сказать, что приехал отомстить?

На этот раз я не удержался от смеха. Что бы с ним ни случилось, но младший Дериц все же оставался порывистым мальчишкой с врожденной склонностью к авантюризму. Собственно, еще год назад я и сам был точно таким же мальчишкой, случайно выбравшимся на западный берег далекой, горящей в огне страны. Но я встретил свой корабль, я встретил Эйно, и минувшие месяцы слишком изменили меня, заставив измученного юношу превратиться в трезво-

го, весьма расчетливого человека. По сути, я стал хоть и маленьким, но зверьком – зубастым, уже вкусившим опасности и потому почти взрослым.

– Вопрос тут в том, – хмыкнул я, – что я не уверен...

Энгард ответил мне не сразу. Судя по тому, как он работал челюстями, поужинать ему действительно не удалось. Собственно, ответа я и не требовал – я жевал тонкие ломтики обжаренного в специях мяса и размышлял о том, что максимум, на что я могу рассчитывать, – это помощь в поисках Накасуса и Теллы.

Возможно, у Энгарда есть какие-нибудь связи в театральной среде – среди аристократической молодежи театр в большой моде, а Накасус, кажется, довольно известен... но Дерриц думал о другом.

– Где-то за месяц до того, как мы с тобой познакомились, – начал он, отложив в сторону вилку, – буквально на моих глазах разорился молодой князь, только-только вступивший в права владения...

– Играл? – спросил я, не понимая, к чему он ведет.

– Нет. Не играл, не швырялся деньгами, да и вообще, такое состояние просто математически нельзя было растратить за столь короткое время. Нет, конечно, деньги можно было ухнуть в какое-нибудь предприятие, но все равно ведь остались бы по крайней мере какие-нибудь бумаги: векселя, акции, банковские гарантии пайщиков, наконец. А тут – ничего. Откуда ни возьмись появились какие-то люди, предъ-

явили в банк какие-то заемные письма столетней давности, и все. Его семья, что интересно, об этих письмах не имела ни малейшего понятия! Конечно, началось расследование. Длилось оно, ты не поверишь, аж три дня, после чего претензии заимодавцев были признаны безоговорочно и в полном объеме.

– Я паршиво разбираюсь в пеллийской финансовой системе, – признался я. – Но ты что, ты так уверен, что этих долгов на самом деле не было?

– Я знаю, что их не было. Понимаешь, тогда, едва прошел слух, я почему-то жутко испугался... мой братец – человек, мало приспособленный к жизни, он в основном пьет и шатается по всяким приемам, скажи ему: «Холгер, мы разорены!» – он пожмет плечами и поедет на очередной бал. И вот я, сам уж не знаю, как это все вышло, стал искать способ обезопасить наши деньги. Начинал я с того, что просто шатался по разным заведениям, слушал, о чем говорят биржевые игроки, маклеры, спал с их проститутками, и буквально через два месяца до меня стало доходить...

– Что королевские дознаватели были подкуплены, – с ухмылкой вмешался я.

– Это я понял сразу же, – криво усмехнулся Дериц. – Таким, как мой брат, поверить в это трудно... но ведь я-то – человек другого склада. Дознавателей я решил оставить на закуску: видишь ли, меня не покидало ощущение, что вся эта загадочная история – лишь начало какой-то серьезной игры.

Так вот – я не ошибся.

Энни замолчал и потянулся к черному лакированному кувшинчику, блестящий бок которого украшал тончайший серебряный узор. Несколько секунд он любовался работой неведомого мастера, затем решительно сломал печать и наклонил узкое горлышко над моим уже опустевшим бокалом. Заинтригованный, я молча ждал продолжения рассказа.

– Конечно, для того, чтобы познакомиться со сколько-нибудь серьезными аферистами, мне понадобилось время. Я довольно успешно корчил из себя богатого дурачка и в конце концов привлек внимание парочки негодяев. А вот дальше... – на губах Дерица заиграла лукавая улыбка. – Дальше я увлек самого лучшего плута столицы, да не просто увлек: этот плут – женщина.

– Хо-хо!.. И что же, она вытащила из тебя все до последнего медяка?

– Отнюдь нет! Мы заключили некое соглашение. Грубо говоря, я помогаю ей, а она помогает мне. Мы, если хочешь, компаньоны. Я увеличиваю свою долю в семейном капитале, а она иногда пользуется моими связями в свете.

– Если я правильно тебя понял, она достаточно молода.

– Да... она выдает себя за аристократку из южных провинций, но я прекрасно знаю, что это не так. Впрочем, для меня ее происхождение не имеет никакого значения, гораздо важнее то, что за несколько лет в столице она смогла сколотить целую банду: проститутки, аферисты, рискованные маклеры, и

все они, а их не так уж мало, относятся к ней с огромным уважением. Согласись, это не так-то просто – но уж голова у барышни скрипит в самом лучшем виде.

Я слез с подоконника и уселся верхом на стул.

– И она, само собой, ходит под одним из крупных филинов...

Дериц дернул щекой, бросил на меня короткий задумчивый взгляд и медленно покачал головой.

– Нет. Если ты думаешь, что это для нас обязательно...

– Что я могу думать, Энни? Я могу только предполагать – ну, и само собой, задавать дурацкие вопросы.

– Тогда я отвечу тебе так: «филины» не любят яркий свет, а здесь, в окрестностях Сената и королевских канцелярий, слишком много фонарей... ты уловил? Им просто нет смысла соваться на глаза дознавателям, прокураторам и всем прочим. В провинции, да что там – в полусотне миль отсюда они держат в зубах большой кусок власти. А у нас – каждому свой риск.

– И каким же образом блистательному столичному аристократу удастся приумножить свое золотишко? Ты считаешь, что, плутуя, сможешь избежать судьбы того несчастного? А если наоборот?

– А зачем мне плутовать? Мир подвижен, как море. Иногда достаточно вовремя узнавать новости, и все...

«Ах вот даже как, – подумал я. – Да ты, парень, куда разумнее, чем я думал, – и с воображением у тебя все в по-

рядке. Пожалуй, стоит благодарить судьбу за этокое знакомство...»

– К тому же, – добавил Энгард после паузы, – королевской службой я не связан и никакие указы и рескрипты не мешают мне заниматься финансовой деятельностью. Верно ведь?

– Верно, – согласился я. – И у тебя уже... м-м – амбиции? Дериц рассмеялся и принялся набивать свою трубку, лежавшую до того на столе.

– Еще какие! Но об этом мы поговорим позже. Давай вернемся к тебе... Ты считаешь, что должен затаиться?

– Я должен выяснить кое-какие подробности, Энни, вот в чем все дело. И пока я здесь – а никто не знает, сколько времени мне понадобится, – мне следует стать как можно более незаметным. И вот еще что: у тебя есть верные люди?

– Смотря для чего, – прищурился юноша. – Если речь идет об убийстве, то понадобится немного времени...

– Нет-нет, об убийствах я не хочу даже слышать. С меня хватит Рашеро! Мне нужно послать гонца в Альдоваар. Но это должен быть человек, которому ты абсолютно доверяешь.

– Это не проблема, – облегченно улыбнулся Дериц. – Я pošлю своего слугу. А тебя мы завтра же утром переправим в совершенно безопасное место. Уж там-то тебя точно никто не найдет.

На этом разговор закончился. Энгард поглядел на хронометр и, хлопнув себя по лбу, умчался на какую-то важную

встречу. Я бросил взгляд на опустевшие тарелки, взял в руку бокал вина и снова устроился на широком подоконнике, бездумно пялясь на вечернюю жизнь темной и древней улочки.

Глава 2

Я лежал, ежась под легким одеялом, и полусонно размышлял о природе негромкого шума за окном. Открывать глаза мне не хотелось, но порыв холодного ветра, неожиданно ворвавшийся в спальню, заставил меня проснуться окончательно.

Серые рассветные сумерки были пронизаны нудным мелким дождем – через его пелену я различал крышу соседнего здания, усеянную узкими каминными трубами. Я сел на постели, помотал головой и, мгновенно все вспомнив, повалился обратно на подушку. Следовало закрыть окно и отыскать еще одно одеяло, но я словно плыл в своей слабости – где-то в голове крутились обрывки недосмотренного сна, веки были тяжелыми, как пара корабельных якорей.

Я лежал на спине, понимая, что холод не даст мне снова заснуть.

Кажется, мне снилась страна рашеров. Я подумал о том, что проклятый Череп, возможно, и не стоил жизни Эйно Лоттвица, но для одержимого князя такие мелочи, как жизнь, значили не слишком-то много. А для меня? Мне было больно, когда вокруг меня умирали люди, которых я почти не знал. Я не смог убить Уту – тогда, в сыром подземелье старого монастыря, – смогу ли я убивать ради целей уже мертвого человека?.. Я...

В дверь номера сильно стукнули, и я мгновенно вскочил, отыскивая глазами пояс с пистолетами. Как всегда, он висел на спинке ближайшего к постели стула: я вылетел из-под одеяла, подхватил из левой кобуры десятизарядный «Вулкан», сбросил задрожавшим пальцем собачку предохранителя и пробрался в гостиную. Стук тем временем повторился.

– Кто там? – спросил я, становясь сбоку от двери.

– Я, я! – раздраженно зашипел голос Энгарда Дерица. – Ты что, захотел, чтобы я перебудил весь этаж? Я думал, ты ждешь меня!

– Да, но не в такое же время? – Я отодвинул задвижку замка и впустил своего приятеля в номер.

– А в какое? Давай одевайся... сам ведь говорил, что не хочешь привлекать лишнего внимания.

Судя по его виду, он не спал всю ночь: под глазами у Энгарда виднелись синие тени, а вокруг рта появились не по годам ранние складки. От юного князя здорово разило вином, но пьяным он уже не был, очевидно, он пил довольно давно.

– Рому хочешь? – спросил я, одеваясь. – У меня еще из Альдоваара осталось.

– Рому? – Энгард скривился и страдальчески фыркнул. – Красного у тебя больше нет?

– По-моему, я не все выхлебал... посмотри там, на столе.

– Уже вижу... Шевелись же, Мат! Ты и в море так собираешься?

– Я уже готов. Но учти, у меня нет лошади.

– Зато у меня есть экипаж. Не дурак же я, в конце концов...

Энгард схватил одну из моих сумок, обнаруженный на столе кувшинчик вина, и мы вышли в коридор. Ключ я бросил на стойку спящего распорядителя и разбудил его звоном серебряной монетки.

– Господин съезжает? – просипел он мне в спину.

На улице нас ждала большая карета, мокро блестящая под дождем свежим серым лаком.

– Поехали, Боло, – негромко сказал Энгард, закрывая за собой тяжелую дверцу. Кучер щелкнул бичом, четверка разномастных лошадей резво взяла с места, и обрезиненные колеса экипажа покатались по неровной брусчатке мостовой. Энгард поправил плотные шторы на дверях, морщась, приложил к губам кувшинчик с вином и откинулся на кожаную спинку дивана.

– Сегодня ночью меня вывели на след, – внезапно произнес он.

– Ты имеешь в виду тех ублюдков, которые наказали твоего простодушного князя? – понял я.

Он молча покачал головой.

– Представляешь, они, кажется, из Ханонго. Святые и грешники – из Ханонго!

– Что тебя в этом удивляет?

В глазах Дерица появилось такое изумление, словно у меня вдруг выросли рога. Он облизнулся, снова приложился к

вину и вдруг расхохотался.

– Знаток! – заметил он сквозь смех. – Нелегко тебе тут придется. Мы воюем с Ханонго уже двести с лишним лет. То есть не то что бы воюем, но делаем вид – топим их корабли, которые заплывают в наши воды, держим на границе целые форты с гарнизонами. Все довольны...

– Чем?! – теперь изумиться пришлось уже мне. – Двести лет войны?.. По-моему, сто раз можно было покончить со всем этим и жить в свое удовольствие.

– А, не скажи. Где будут служить молодые честолюбивые князьки или всякие там виноградные барончики, с детства мечтающие о королевских погонах и ленточках на шею? И конечно, не только это... это уже не война, это ритуал – но мне еще ни разу не приходилось слышать о мошенниках из Ханонго, орудующих в столице да еще и покупающих королевских дознавателей, как прошлогодний навоз.

– Все когда-нибудь случается впервые, – спокойно отозвался я, и в самом деле не понимая, из-за чего он так возбудился.

– Тоже, конечно, верно, но сейчас дело не в этом... ладно, посмотрим, чем все это закончится. Плохо то, что сейчас они ушли на север – возможно, к себе домой. Но я уверен, что вся эта компания еще вернется. Тогда и увидим, с каким соусом их подавать к столу. Письмо у тебя готово?

– Письмо? – нахмурился я.

– Твое письмо в Альдоваар?

– Ах, ну да... – Я наклонился и распахнул кожаный саквояжик, в котором поверх вещей лежал плотный серый конверт. – Вот. Когда ты отправишь посыльного?

– «Барк „Бринлееф“, капитану Иллари лично», – прочитал Энгард. – Вот эту завитушку в двойном «е» ты больше не употребляй – сразу поймут, что ты учился письму в южных провинциях. Гонца я отправлю, как только мы прибудем к моей малопочтенной госпоже Дайниз. Тоже, так сказать, «лично в руки». Но тебе не стоит опасаться – там тебя точно никто не найдет.

– Ты уже говорил, – фыркнул я. – Меня беспокоит сейчас совершенно другое: с какими проблемами я встречу после возвращения в Альдоваар? Что я стану говорить людям из королевской Стражи? Князь Лоттвиц умер при довольно загадочных обстоятельствах, свидетелей нет, а сам я почему-то удрал в неизвестном направлении... куда ни глянь, все подозрения против меня.

– Не будет никаких подозрений, – отмахнулся Энгард. – Насколько я знаю, у покойного Лоттвица там было целое гнездо, так ведь? Значит, всем его приближенным известна причина, по которой он сделал наследником именно тебя, а не другого человека. И что же, у них возникнут подозрения?

– Нет, – согласился я. – У них-то нет, это понятно, но что скажут дознаватели?

– Да ни хрена они не скажут, пойми ты это! В худшем случае тебе понадобится парочка поручителей – что, не най-

дешь? А вообще, ваша светлость, в этом вашем Альдовааре можно хоть на ушах летать – были б только деньги. Сунешь судье пару сотен золотых, и все завязки в дегте. Это, – Дериц зевнул и прикрыл глаза, – все вздор. Если б я жил в провинции...

– Почему же не переедешь?

Он усмехнулся:

– Переезжать я не собираюсь, а вот соорудить там пару-тройку делишек – это обязательно. И не сомневайся. Уж очень она мне нравится, эта финансовая деятельность.

За разговором я не заметил, как закончился дождь. Энгард, внезапно замолчав, погрузился в легкую дрему – я осторожно отодвинул занавеску на своем окне и увидел, что карета мчится по ровной и широкой королевской дороге. Вдоль тракта росли огромные старые деревья, и мне показалось, что мы движемся в полутемном сером туннеле.

– Скоро приедем, – произнес Дериц, не открывая глаз. – До городка осталось минут десять, ну и там еще столько же.

Он оказался прав. Наш экипаж перевалил через узкий горбатый мостик, нависавший над грязным, заросшим тиной каналом, и вскоре впереди показались шпили и черепичные крыши небольшого города. Мой опытный нос тотчас же ощутил близкое дыхание моря.

– Мы где-то на побережье? – поинтересовался я.

– Мы обогнули столицу с востока, – кивнул Энгард. – Здесь маленький торговый порт, пара крохотных заводиков,

да и все. Это довольно древний город, но сейчас – просто сонная дыра. Даже столичные новости доходят сюда за неделю. Очень удобное место, тебе не кажется?

– Возможно, – согласился я, сдвигая штору на окошке. – Как он хоть называется?

– Воэн, – хмыкнул мой приятель, – что в переводе со старопеллийского означает «крепость у моря». Правда, от крепости остались одни развалины...

– Зато море на месте, – парировал я.

Улочки тут были неровные, вымощенные гладкими от времени каменюками, – в углублениях стояла дождевая вода, кое-где я с изумлением заметил не погашенные с ночи фонари. Ставни большинства домов были еще закрыты. Пока мы ползли в лабиринте узких полутемных нор, из обывателей я увидел лишь мальчишку на ослике да румяную молочницу, толкавшую перед собой утробно громыхающую тележку с пустым бидоном. Крепость у моря досматривала свои последние утренние сны.

Карета неожиданно встала в конце длинного переулочка, плотно застроенного однообразными двухэтажными зданиями с нависающими над мостовой фронтонами.

Перед нами были высокие кованые ворота, за которыми угадывался темный массив лиственного парка.

– Это была усадьба одного сумасшедшего барона, – объяснил Дериц, – потомки уже отчаялись ее продать – ну кому нужен небольшой замок в таком захолустье? Зато тут чудные

соседи, сплошь одни контрабандисты.

– Я понял, – хмыкнул я, – в чужие дела такие не лезут.

– Ни в коем разе...

Здоровенный слуга в темном дождевике сдвинул запорный болт, ворота совершенно бесшумно растворились, и кони потянули экипаж во влажный полумрак старого парка.

Трехэтажный дом произвел на меня двойственное впечатление. С одной стороны, его размеры, а также таинственная древность поросших выюном стен внушали уважение, но с другой – выглядел он самой настоящей развалиной: от выкрошенных ступенек парадного входа до сплошь замшелой черепичной крыши.

– То что надо, – усмехнулся Дериц, поймав мой скептический взгляд. – Здесь тепло в холода и прохладно в жару. И морской ветер нипочем.

Ничего не отвечая, я выбрался наружу и принялся доставать свой скудный багаж. В доме тем временем поднялась какая-то суета. Едва мы вошли в холл – низкий, обшитый черным от времени полированным деревом, – как по лестнице застучали каблучки.

– Ну вот и она, – осклабился Дериц. – Познакомься, дорогая: мой друг Мат, князь из южных провинций. Относиться, как ко мне, ничего не жалеть, ни в чем не отказывать. Это, Мат, та самая Дайниз, о которой я тебе рассказывал...

Ей было лет тридцать – живое и открытое лицо с большими умными глазами цвета морской волны, изящная, впол-

не аристократическая фигурка и – в глаза мне сразу бросились руки: длинные ухоженные ладони, сильные и подвижные, странно обаятельные мелкой сеточкой вен и сухожилий, игравших под тонкой, немного смугловатой кожей.

– Рада приветствовать моего господина. – Ее поклон был преувеличенно вежлив, и я ощутил некоторое смущение.

Я снял шляпу и коротко дернул головой, после чего Энгард отрывисто приказал подать завтрак и вызвать некоего Боскэ.

– Ты должен держать себя понадменнее, – произнес он, ведя меня по длинному коридору второго этажа. – Иначе ты выглядишь просто юношей из хорошей семьи, но, прости, никак не князем из южных провинций.

Я молча кивнул.

За поворотом коридора обнаружилась высокая и узкая дверь. Повозившись в кармане, Энгард нашел нужный ключ. Дверь противно скрипнула, в полутьму тупика полился серый утренний свет.

– Заходи, – позвал меня Дериц. – Здесь у меня комната для размышлений. Я оставляю тебе ключ, но постарайся не пускать сюда девок: это будет цинично...

Войдя вслед за ним, я восторженно присвистнул. Три стены большого квадратного помещения были до самого потолка забиты книгами. Даже над камином возвышались длинные пыльные стеллажи. Я пробежался взглядом по толстым кожаным корешкам и решил, что пробуду здесь, в этой биб-

лиотеке, столько, сколько окажется возможным. Здесь были и хроники, и труды полузабытых пеллийских мистиков, и относительно современные философские работы, и даже какие-то старые романы!

– Восхищен? – спросил Энгард, садясь за большой круглый стол. – Прежний хозяин считал себя большим ученым.

– Он считал или его считали?

– Его считали сумасшедшим. Даже жаль, что он не оставил после себя мемуаров – наверное, это было бы забавно. Впрочем, об этом позже: я слышу, к нам бежит мой верный Боскэ.

В библиотеку порывисто шагнул высокий худощавый юноша в синем домашнем кафтане. Приветствовав меня вежливым кивком, он поклонился Энгарду и, повинуясь его нетерпеливому жесту, молча уселся на стул. Рука Дерица скользнула под одежду.

– Это, – сказал он, протягивая парню мое письмо, – доставить в Альдоваар: немедленно, кратчайшим путем, денег не жалеть.

– Желательно дождаться ответа, – негромко произнес я.

Боекэ так же молча кивнул и сунул плотный конверт в карман.

– И еще, – добавил я, – учти: возможно, тебя спросят, как выглядел отправитель. Постарайся запомнить мою внешность и не ошибиться.

Юноша вперил в меня внимательный немигающий взгляд,

потом боднул головой:

– Я все понял, господин. Что мне делать, если адресат не окажется на месте?

– Уничтожить письмо и возвращаться.

– Все ясно? – переспросил Дериц. – Вперед! Позавтракаешь в дороге.

Боскэ отвесил нам пару коротких поклонов и умчался. Энгард задумчиво глянул ему вслед и постучал ногтем по большому рубину, украшавшему его белый галстук.

– Это самый толковый слуга из всех, что я видел, – сказал он. – И он абсолютно надежен. Та-ак... пока не подали завтрак: что я могу сделать для тебя в столице?

Ответ у меня был заготовлен заранее.

– Узнать – но как можно тише – все, что только возможно, о господине по имени Рэ Монфор и постараться выяснить местонахождение театра известного мастера Накасуса.

– Что-то я про этого Накасуса слышал, – почесался Энгард. – Ну хорошо, это, пожалуй, будет нетрудно, проститутки всегда дружат с театральными антрепренерами... а кто такой Монфор?

– По всей видимости, бандит. И даже странно, что про него мало кто знает. Не знаю, связан ли он с филинами, но то, что он шантажист и мошенник, это почти наверняка. Поэтому будь предельно осторожен – слово там, слово тут, и не больше. Хорошо? Отрицательный результат меня тоже устроит. Мастер Накасус сейчас важнее.

Две молодые служанки принесли завтрак, и Энгард тотчас же схватился за вино.

– Держись с ними поосторожнее, – сказал он, утолив жажду. – Девочек тут хватает, можешь выбирать любую... сегодня меня не жди: сейчас я поеду домой отсыпаться, а вечером у меня очень важный ужин. Скорее всего, я появлюсь завтра утром.

– Хорошо, – улыбнулся в ответ я, – буду вести себя, как его величество в изгнании. Когда ты принесешь мне новости?

– Это зависит от целого ряда факторов. Могу обещать, что займусь этим делом со всей серьезностью. Ты пока отдыхай – здесь тихо и можно спокойно полечить нервы.

– С нервами у меня все в порядке. А вот со временем, кажется, похуже. Постарайся поспешить, хорошо?

* * *

К полудню небо немного посветлело, но с океана все еще напоздали тяжелые грозовые тучи. Выкурив третью по счету трубку, я выбрался из тяжелого, пахнувшего чем-то затхлым кресла и положил на стол роскошно иллюстрированный том хроник времен короля Рокаэля VIII – меня утомили бесконечные морские битвы и подвиги великолепных пеллийских рыцарей в сверкающих позолотой доспехах. На столешнице лежал небольшой серебряный колокольчик: я встряхнул его, он издал переливчатый звон, и через пару минут в библиотеку вбежала хорошенькая девочка в довольно откровенном

розовом платье. Несколько секунд я смотрел на ее стройные длинные ножки, потом принялся шарить в кармане камзола.

– Мне нужен плащ, – сказал я, вытаскивая небольшой кошелек, в котором лежал десяток золотых червонцев, – и шляпа, такая, по морской моде, с широкими полями и пряжкой вот здесь, на тулье.

– Я поняла, мой господин, – склонилась девочка, и ее лапка с накрашенными ногтями цепко схватила мой кошелек.

– Часа хватит?

– Меньше... как будет угодно моему господину.

– Сдачу принесешь.

Она пискнула в ответ и испарилась. Я поставил хроники Рокаэля на место и выдернул с одной из нижних полок толстый фолиант под названием «Поиск в южных морях». С титульного листа на меня сурово глянул похожий на сыча дядька с трубкой в зубах, до самых глаз заросший бородой. Автор оказался королевским адмиралом, который несколько лет исследовал далекие южные моря, бродил по диким джунглям в поисках золота и в конечном итоге, изрядно разбогатев на камешках, решил написать сей увесистый труд. Читать, правда, было трудновато – адмирал отличался непомерной набожностью, и приблизительно треть текста занимали его воспоминания о том, как он молился – и там, и сям... складывалось ощущение, что его «поиск» являлся обычным паломничеством спятившего святоши – без молитвы этот храбрец и на горшок не садился.

Где-то с полчаса я бездумно листал книгу, разглядывая гравюры и иногда пробегая глазами по тексту. В дверь неожиданно поскреблись. Моя правая рука привычно скользнула к висевшей на поясе кобуре, но ничего похожего на опасность я не дождался – в библиотеку тихо проскользнула та самая розовая девочка. В руках она держала круглую картонную коробку и сверток.

– Заказ моего господина...

Я положил в ее ладонку заранее приготовленную монету, спрятал в карман отощавший кошелек и разорвал ленту на картонке. Шляпа была хороша, мне давно хотелось иметь именно такую, но все как-то не доходили руки. Плащ – с капюшоном и полудюжиной широких воротников – оказался мне точно по росту, вот только рукава были чуть коротки, но в принципе это не должно было бросаться в глаза. Я накинул его на плечи, отыскал в кармане камзола тонкие летние перчатки, нахлобучил шляпу и вышел. Ключ мягко щелкнул в хорошо смазанном замке.

В холле мне встретилась все та же девица: вероятно, сегодня она была на вахте.

– Передашь госпоже, что я отправился на прогулку, – бросил я через плечо. – И пусть к четырем часам мне зажарят цыпленка с пряностями.

Наверное, я выглядел чрезвычайно сурово. Слуга распахнул передо мной калитку, и я, поглубже натянув свою широкополую шляпу, шагнул в узкий тихий переулок. Вскоре

я оказался возле небольшого аккуратного храма, посвященного одному из сонмища пеллийских богов. Я постоял среди его узких витых колонн, раскурил трубку и двинулся дальше. Нос почему-то упрямо тащил меня к морю.

Городишко кончился совершенно внезапно – только что еще я слышал приглушенное кудяхтанье кур, тарахтенье тележек торговцев и ремесленников, и вот – последний квартал остался за моей спиной. Я стоял на ровной, хорошо раскатанной грунтовой дороге, которая вела к недалеким холмам, поросшим густым кустарником. Море было где-то там, я уже слышал тихий плеск волны. Взобравшись на холм, я вдруг замер от неожиданности.

До линии прибоя оставалось где-то с четверть мили – а по правую руку, чуть ниже, находилось довольно большое кладбище, за которым, среди деревьев, виднелась одинокая башенка какого-то храма. Это зрелище настолько поразило меня, что какое-то время я просто стоял, попыхивая трубкой, и разглядывал сотни хаотично разбросанных среди травы надгробий: то совсем покосившихся, то, наоборот, потемневших от близости океана, но все же гордо сопротивляющихся времени. Мне показалось, что неподалеку от храма я вижу чью-то фигуру. Мои глаза уже успели привыкнуть к расстояниям моря, но тем не менее из-за деревьев я не мог различить, мужчина это или женщина: мне потребовалась бы оптика, которой у меня с собой не было.

К кладбищу вела узкая тропка. Поругивая свои морские

сапоги на высоком каблуке, я спустился по скользкой тропе вниз и зашагал к храму. Теперь он стал казаться чуть побольше, чем виделось издалека. К башне был пристроен придел, возможно, служивший жилищем для жрецов, за ним виднелись еще какие-то небольшие постройки. Я неторопливо пробирался меж старых могил и пытался прикинуть, какому божеству может быть посвящен этот кладбищенский храм. Богине смерти Коор-Алли? Вряд ли, пеллийцы идут к ней в совершенно других случаях. В принципе тут может быть любое божество, кроме, конечно, сугубо бытовых, типа божка, отвечающего за плодородие скота и урожай пшеницы.

Тоненькая фигурка в сером плаще неожиданно вынырнула из-за деревьев, и я с удивлением разглядел молодую девушку. Из-под капюшона, кокетливо оттененные прядью выходящих черных волос, блеснули большие темные глаза. Она ждала, когда я подойду, и я не без труда подавил в себе невесть откуда взявшееся чувство неловкости.

– Что будет угодно моему господину? Господин желает воскурить в память ушедших?

Голос был чист и полон звенящего, чарующего своеобразия – в нем, казалось, жили своей жизнью какие-то неведомые мне струны, напевающие нежные и в то же время задорные мелодии. Я остановился и посмотрел на девушку внимательнее. У нее были чудесные полные губы, длинный с горбинкой нос и нетипично высокие скулы. В глазах посверкивала настороженность; я снял шляпу и поклонился.

– Сказать по совести, я даже не знаю, какому из богов служат в этом храме.

– О... – она, кажется, растерялась. – Но ведь это храм Ни-Эшер!

Ни-Эшер? Проклятие, кто же это? Ах вот, вспомнил... как странно – «молодая» богиня, являющаяся одним из воплощений неразделенной любви – и здесь, на кладбище? Воистину у этих пеллийцев странные представления о религии.

Собственно, все это вообще непонятно – как богиня может представлять собой неразделенную любовь? Но память услужливо выбросила мне именно эти сведения, вычитанные когда-то в одной из религиозно-философских книг. Святые и грешники, нужно было читать ее глазами, а не задницей!..

– Видите ли, я прибыл издалека и не слишком хорошо ориентируюсь в местных э-э... храмах.

– Вот как? – Она, кажется, была рада неожиданному гостю. – Тогда позвольте мне пригласить вас... я угощу вас подогретым вином, и вы осмотрите наши маленькие алтари.

Где-то над океаном раскатисто громыхнуло, и я понял, что с минуты на минуту может начаться дождь.

– Меня зовут Маттер, – поклонился я, – князь Лоттвиц-Лоер и Гасарпаар.

– Айрис, – представилась девушка, – я служу в этом храме. Идемте.

Она разговаривала со мной просто, без нелепого в данном случае почтения и без намека на какую-либо неловкость.

«Наверное, – подумал я, шагая по высокой траве, – этот храм не очень-то жалуют местные молельщики, и молодая жрица просто пухнет от тоски. Интересно, на что она существует?»

В приделе жарко горела небольшая печка. Я послушно сел на указанный мне стул и принялся осматриваться. Да уж, столичной роскошью тут и не пахло. Но в то же время откровенной нищеты, вполне ожидаемой в этакое захолустье, я тоже не заметил. Отбросив на спину капюшон, жрица хлопотала над печью, ставя греться кувшинчик с вином, – я с удивлением увидел курчавую шапку непослушных черных волос, совершенно нехарактерную для пеллиицев; она выглядела довольно чужеродно, но я, разумеется, не решился бы тревожить духовную особу бестактными вопросами о ее происхождении.

Девушка выложила на чисто выскобленный стол свежие сладкие сыры и тарелочку пшеничных лепешек.

– Я угощу вас чудным белым флегю, – сказала она, снимая с огня кувшин, – его на днях доставили из столицы. Вам нравится флегю, князь?

– М-м, да, – отозвался я, разглядывая украшавший стену гобелен, на котором белокурый юноша в расстегнутом панцире втыкал в свою грудь здоровенный кинжал, а у его ног, полуобняв закованные в металл колени, умирала залитая кровью девушка. – Странная у вас тематика...

– Что же тут странного? – Айрис разлила вино по высоким бокалам и села напротив меня. – Ведь на моем кладбище

хоронят людей, покончивших с собой под влиянием страсти.

– О, – только и смог выдать я.

Вот тебе и Ни-Эшер. Все сразу встало на свои места. Здесь хоронят столичных хлыщей и их подружек, свихнувшихся от обилия чувств! Милый повод для самоубийства. А родня покойных, конечно, жертвует и на храм. Странно только, что тут так мало свежих могил – наверное, мода поменялась...

Желтоватое вино сильно отдавало пряностями, но я не мог не согласиться с выбором сыров, – после моих скитаний я вдруг с изумлением почувствовал себя уютно и спокойно, так, словно ветер вернул меня домой. Губы юной жрицы тронула мягкая улыбка. Она подлила в мой бокал и произнесла своим чарующим голосом:

– Вам не стоит стесняться, князь. Буря начнется не раньше чем через час.

– Да, – отозвался я, словно очнувшись от дремы. – Впрочем, мне еще не приходилось видеть кладбища, освященные именем Ни-Эшер. У нас на юге это, кажется, не в ходу.

Айрис усмехнулась и отвела глаза в сторону.

– Множество столичных родов, – сказала она, – враждовало в течение столетий...

– Я понимаю, – хмыкнул в ответ я. – Но вражда не отменяла любви – так?

– Увы.

«К счастью, – вдруг подумал я, – мой род не относится к разряду пеллийских придворных. Хотя не исключено, что и

это не спасет меня от крови. Будь она проклята!»

Сильный порыв ветра зашуршал деревьями, и я заметил, как девушка зябко передернула худыми плечами.

– Наверное, вам бывает здесь одиноко? – спросил я.

– Нет, что вы! Я... давно привыкла...

– Трудновато привыкнуть к обществу покойников.

– Тогда, когда они не являются частью ваших обетов...

Я одним глотком допил флегы и поднялся, запахивая на себе плащ.

– Простите меня, но... я должен идти. Если вы не будете возражать, я хотел бы посетить ваш храм в другой раз. Может быть, в тот день будет светить яркое солнце?

Она встала, провожая меня: слабая улыбка тронула полные губы, но юная жрица тотчас же спрятала глаза и ответила мне ровным любезным голосом:

– Я всегда буду рада вашему обществу, князь.

«Не одиноко тебе, как же, – с непонятым раздражением думал я, идя по тропинке к городу, – да вот только...»

В чем заключается это «только», я еще не знал, но огромные темные глаза, блеснувшие из-под капюшона, не отпустили меня ни на секунду. Я брел, вслушиваясь в завывания ветра, и гнал от себя странное наваждение. Молодая жрица на кладбище... ну и бред! На кладбище чужой любви – святые и грешники, чего только не увидишь в этом огромном мире. Мой хронометр показывал половину четвертого: я представил себе запеченного, с ароматной корочкой цып-

ленка и облизнулся.

Глава 3

Энгард приехал незадолго до полудня: снизу, из холла, донесся его резкий голос, отдающий приказания женщинам, и я не без волнения отбросил в сторону кожаный фолиант, который держал в руках.

– Отвратительная погода! – рявкнул Дериц, ворвавшись в библиотеку. – Два дождливых дня подряд – для меня это, пожалуй, слишком.

Он швырнул на кресло свою шляпу и прошелся по комнате, нервно срывая с рук тонкие кожаные перчатки. В библиотеке появилась очередная юная особа с подносом, уставленным винами. Дождавшись, когда она опустит свою драгоценную ношу на стол, Энгард отослал девушку коротким взмахом ладони и тотчас же потянулся к одному из кувшинчиков.

– Скоро я превращусь в портового пьяницу, – мрачно сообщил он мне.

Я поглядел, как искрящаяся вишневая струйка бежит в объятия золотого бокала, и хмыкнул:

– Ты, кажется, чем-то встревожен?

– А ты, кажется, ждешь от меня новостей? Новостей пока никаких... ровным счетом никаких. Но сегодня вечером мне потребуются от тебя кое-какие услуги.

– Ты всегда можешь располагать мною, как пожелаешь, –

улыбнулся я, скрывая облегченный вздох: мне отчего-то по-чудилось, что Дериц принес с собой неприятные сюрпризы. Отсутствие новостей показалось мне не самым худшим вариантом – по крайней мере, сегодня, когда за окнами усадьбы нудно шелестит мелкий серый дождь и солнце кажется чем-то ужасно далеким.

– Я, кажется, чуть не вляпался в одну довольно забавную историю, – произнес Энгард, сделав небольшой глоток. – Впрочем, все еще впереди... слушай, ты умеешь играть в ло?

– Совсем чуть-чуть. Я вообще не очень-то азартен к игре. Ты хочешь бросить фишки?

– Фишки будешь бросать ты. Сегодня вечером мы отправимся в один хитрый бордель, где тебе, чтобы не упражняться с девками, придется сыграть парочку партий. Проиграешь полсотни и уйдешь... главное – что ты там услышишь.

– А ты? – прищурился я, ощущая, как привычно холодеет спина.

– А я буду ждать тебя неподалеку. Мне, видишь ли, появляться там нельзя ни в коем случае. Ты хорошо фехтуешь после выпивки?

– Я вообще фехтую весьма средне. По крайней мере, не настолько хорошо, чтобы меня можно было воспринимать как серьезного противника – к тому же у меня совсем не пеллийская манера фехтования... Со стрельбой у меня отношения более теплые. А что, мне придется еще и драться?

– Не исключено: потасовки у них там каждый вечер, так

что держи нос по ветру. Если начнется драка – выхватывай свой палаш и беги сломя голову. Получить стулом по башке у них не сложнее, чем заказать себе пива.

– Интересный бордель. А Стража куда смотрит?

– А Стража, – скривился Энгард, – смотрит в задницу. Не переживай, в столице тоже хватает мест, где эта сволочь имеет бесплатный стол...

...С наступлением сумерек дождь почти прекратился. Карета, плавно покачиваясь, мчалась в сторону столицы, а я в последний раз прокручивал в голове полученные от своего приятеля инструкции. Мы молчали. Энгард полулежал на широком кожаном диване, прикрыв глаза, и не подавал ни малейших признаков жизни. По его распоряжению для меня подобрали крикливо-роскошный, но изрядно поношенный плащ и камзол мерзкого ящеричного цвета, с которым весьма гармонировали широченные бархатные штаны, заправленные в короткие сапожки для верховой езды. Глядя на них, я всякий раз испытывал острый приступ морской болезни, но деваться было некуда: по словам моего многоопытного друга, именно так следовало выглядеть юному провинциальному повесе, прибывшему в столицу на поиски жирного куска.

– Вообще, старайся выглядеть повульгарнее, – произнес неожиданно Дериц, не открывая глаз. – Ты у нас невыносимо сдержанный да мудрый, ну так попытайся стать полной противоположностью себе самому. Мой славный внутренний го-

лос говорит мне, что ты справишься.

— У меня уже есть кое-какой опыт, — хихикнул я, вспоминая, как мы с Теллой получали в банке мешки с золотишком...

— Я буду ждать сразу за углом, — перебил Энгард, не обращив на мои слова ни малейшего внимания. — Хоть до утра: главное, чтобы ты услышал...

— А если я не услышу вообще ничего?

Он махнул рукой и вытащил из кармана трубку.

— Услышишь...

Дверь под большим красным фонарем я увидел сразу же, едва повернул налево от грязноватой круглой площади. Карета Дерица осталась там, сзади, полускрытая небольшим двориком с давно высохшим фонтаном. Мутные, наполовину зашторенные окна первого этажа маслянисто светились желтым. Я постоял, раскуривая свою трубку и глядя на давно облупившийся черный лак, покрывавший в древности резную дубовую дверь, и решительно взялся за медную ручку.

На меня пахнуло теплом и уютной смесью из дыма множества трубок и ароматов жаркого. Сбив свою шляпу на затылок, я вразвалку приблизился к солидной стойке, занимавшей почти половину противоположной от входа стены. На высоких табуретах, попыхивая трубками, сидели двое: седой дядька, очень похожий на солидного моряка, и вертлявый хлыщ в зеленой шляпе и длинном неряшливом плаще. Еще несколько человек тискали за столиками хихикающих кра-

савиц. Судя по виду прелестниц, заведение было не из худших; впрочем, это наблюдение не имело для меня никакого значения – тех, кто был мне нужен, в зале пока не наблюдалось.

Я уселся неподалеку от моряка и поднял глаза на виночерпия. Его великолепно отполированная лысина сверкала в ярком свете множества газовых рожков, вделанных в стену.

– Рому! – потребовал я, утрируя южный выговор. – И чего-нибудь пожрать, э?

– Рекомендую вареный окорок, – хозяин стойки многозначительно приподнял указательный палец, – если, конечно, молодой господин знает толк в столичных окороках.

– Еще чего! – фыркнул я. – Давайте сюда ваш окорок, милейший. Увидите, я разделаюсь с ним не хуже, чем акула.

Моряк едва заметно улыбнулся.

– Сегодня будет сыrovатая ночь, – сказал он человеку в зеленой шляпе.

Тот кивнул, и я увидел его глаза – хитрые, прищуренные серые глаза, стремительно ощупавшие меня до самых костей и вспыхнувшие короткими огоньками удовлетворения.

Виночерпий поставил передо мной бокал и брякнул на стойку большущую тарелку с горячей свининой, утопавшей в разнообразной зелени. Что мне всегда нравилось в традиционной пеллийской кухне – так это внимание к травкам и соусам. Даже абсолютно постный кусок говядины, поданный в пеллийской традиции, покажется вам настоящим фейер-

верком ароматов. О вкусе и послевкусиях и говорить не хочется... я всегда считал, что мир потерял во мне великого гурмана. Что толку быть обжорой, если боги не одарили меня талантом написать об этом книгу!

– Молодой господин прибыл с визитом? – участливо поинтересовался виночерпий, глядя, как я орудую вилкой.

– А? Да нет... ну, то есть я пока не знаю, – хохотнул я. – Если найдется тут порядочная скромная девушка за разумные деньги... вообще, я просто хочу провести немного времени, э?

– Как вам ром? – виночерпий подмигнул обладателю зеленой шляпы, и я моментально сообразил, что будет дальше.

– Ром? – я рыгнул и вытер губы носовым платком, торчавшим из манжеты. – Ром... ничего, не столь уж и плох.

– Возможно, молодому господину будет угодно испытать судьбу в игре? – вкрадчиво зашевелился человек в зеленой шляпе. – У нас есть э-ээ... фишки.

«Спешишь, – злорадно подумал я, прикладываясь к бокалу, – переигрываешь. Потому и сидишь здесь, в вонючей дыре, а мог бы... а впрочем, что бы ты мог? Поглядим...»

– Что ж, – я с важным видом отставил пустую тарелку и засунул руку в карман, чтобы позвенеть монетами, – можно и поставить.

– У нас играют по серебряному «птенчику», – оживился игрок, – а то и интерес не тот.

– Отлично, – кивнул я, – ставка благородная.

Я бросил на стол пару золотых орлов, подразумевая, что готов поставить на четыре партии вперед. Мой партнер деланно сконфузился и выволок из недр своего плаща четыре серебряные монетки. Следом в его руках возникла небольшая плоская коробочка. Моряк встал и переместился вправо, освобождая нам место для игры.

Виночерпий сочувственно подлил мне рому.

Бросать фишки я не умел, поэтому первый бросок выпал ходом противника, чем он и воспользовался.

Полчаса спустя я выиграл два орла и тут же спустил один из них. Игра, разумеется, меня не занимала – я попивал ром, оказавшийся на диво приличным, и с нетерпением ждал тех, кто так интересовал Дерица.

Один из них появился тогда, когда карманы моего партнера потяжелели уже на пять золотых и в его глазах появился совершенно постыдный хищный блеск, сразу выдававший в нем мошенника куриного полета. Фишки были подрезаны – впрочем, меня это не волновало: в зал стремительно вошел высокий, тощий, как мачта, тип в короткой темно-красной куртке, обрезанных полусапожках и мятой широкополой шляпе какого-то непонятно бурого цвета. Его широкие кожаные штаны были забрызганы жидкой грязью до колен, из чего я сделал вывод, что он недавно путешествовал под дождем по прибрежным тропам. На поясе у нового гостя висела кобура со старомодным двухствольным пистолетом и длинный кинжал в простых, лишенных украшений ножнах.

Он стрельнул по залу напряженным взглядом больших, чуть навывкате, серых глаз и осторожно, будто боясь раздавить его, опустил на стул подле углового столика. Швырнув фишки — ход наконец-то перешел ко мне, — я машинально отметил выпавшую комбинацию и еще раз осторожно всмотрелся в остроскулое, какое-то костистое лицо человека с кинжалом. Внешность у него была вполне запоминающаяся в основном благодаря густым бровям и длинному, печально обвисшему носу, превращавшему лицо в маску застывшей театральной грусти.

К моей радости, слышимость в зале была превосходная — когда к гостю подбежала сочная девица в передничке, я отчетливо расслышал, как он негромко заказывает вина и какое-то незнакомое мне блюдо из фасоли.

Как ни странно, через пять минут я отыграл аж два орла, чем удивительно расстроил своего партнера. Его подрезанные фишки стоимостью в полгода королевской каторги упорно ложились в мою пользу. Я подбросил на ладони затертые монеты, спросил еще рюмочку рому и потянулся в карман за зельем, намереваясь набить трубку, — и тут дверь шумно растворилась.

Их было двое, хотя я ждал одного, того, что походил на ярмарочного борца, приземистого и широкого, как баржа. Бриджи чуть ли не лопались на его могучих ляжках, на плечи была накинута нарочито просторная куртка, под которой, как мне показалось, находилась пара таких же, как и у меня,

многозарядных пистолетов.

Второй, хмурый человек с землистым лицом, был одет в потертый кожаный плащ, частично скрывавший его фигуру, и беспрестанно жевал длинный мундштук своей тоненькой трубочки, которая совершала сложные круговые движения перед его подбородком. Они молча уселись за столик к длинному, и крепыш резко щелкнул пальцами, подзывая официантку.

Я неторопливо заряжал в трубку зелье.

Мой партнер с искренним удивлением разглядывал свои собственные фишки, желая выяснить, отчего им вдруг вздумалось перечить хозяину.

Мой новый бросок был неудачен, и ход перешел к нему. Я витиевато выругался. Девушка в белом переднике принялась заставлять угловой столик тарелками и кувшинчиками.

– Мордир не приедет, – неожиданно донесся до меня голос.

Я аккуратно скосил глаза: говорил человек в кожаном плаще, напоминающий застарелого покойника. Правда, голос у него был молодой и звонкий...

– Почему? – хрипло удивилась мачта с кинжалом.

– Застрял с товаром на острове Таэр. Был шторм, его старый «Кинн» потерял фок-мачту... он опоздает, даже если пересядет на другое судно – а ты знаешь, что с брига его не вытащишь и когтями. Пока «Кинн» не отремонтируют, нам его не дожидаться.

– Значит, действовать нужно срочно... – задумчиво произнес длинный и с шумом влил в себя содержимое стоявшего перед ним черного кувшина.

Я почувствовал дикую жажду. Как назло, ход вновь перешел ко мне, я бросил наугад и выругался уже всерьез: фишки выдали мне три поворота, предвещавших выигрышную позицию.

Игрок в зеленой шляпе тихонько застонал, но ни малейшей жалости к нему я сейчас не испытывал.

– Партия, – сообщил ему я, машинально придвигая к себе очередного серебряного «птенчика». – Милейший, дайте-ка мне винца. Ваш ром превосходен, но от него, ей же ей, сушит в глотке.

– Могу заверить, что морскую воду мы в него не льем, – полушутя отозвался виночерпий, ставя передо мной узкий кувшинчик.

В зале неожиданно появились новые посетители – компания шумных юнцов совершенно бандитского вида, с ходу затребовавшая девок и море вина.

– Фолаар, – я изо всех сил наострил уши, – сегодня будет ждать своего личного стряпчего в доме на болотах, – это говорил длинный, – но тот задержится у него недолго. Место, сами понимаете, тихое...

– Очень рискованно, – возразил трупоподобный, исторгая к потолку струю синего дыма.

– Место, повторяю, тихое... – другого случая просто не

будет. А времени у нас уже нет. Если бы идиот Мордир не стал возиться со своей сраной мачтой, мы решили бы дело всухую. Но теперь уже – все, иначе нам всем дрова. Вы понимаете это?

Мне выпал правый поворот. Партию еще можно было спасти, но я не стал этого делать. Мой грустный мошенник повеселел, как дитя.

– А почему я тебя тут раньше не видел, а? – визгливо прозвучал чей-то пьяный голос.

Я обернулся. Над столиком моих подопечных горой возвышался широкоплечий юноша из той компании, что расселась с девками посреди зала. Судя по его виду, у него страшно чесалась физиономия. То ли он был откровенно глуп, то ли слишком пьян – я, например, вряд ли решился бы приставать к людям с такими серьезными и мрачными лицами.

– Ты кто? – устало поинтересовался крепыш.

– Я? – искренне изумился тот – за его столиком оглушительно заржали. – Я Борро Рыжий, слышал про такого?

– Что-то и я тебя раньше не видал. Иди развлекайся, парень. Иди...

В словах крепыша прозвучала такая убедительность, что господин Борро неожиданно резво выпустил пар и вернулся к своим. Я пропустил ход, передал фишки партнеру и принялся за вино.

– Значит, сегодня, – задумчиво произнес человек в плаще. – После полуночи?

– Не раньше. Если в доме будет гореть свет – а он будет гореть почти наверняка, – это еще ничего не значит. Фолаар почти всегда работает с бумагами до самого рассвета, а потом все утро отсыпается.

– Так, может, утром?

– Нет! Никакой гарантии – не исключено ведь, что с утра ему придется ехать в коллегию. Тогда мы потеряем все на свете, ты понимаешь?

– Чертов Мордир! Но почему ты так уверен, что послезавтра или, скажем, через три-четыре дня уже будет поздно?

– Потому что...

Слов носатого я не расслышал – его грубо перебили. Господин Борро, неожиданно придя к некоему решению, вскочил на ноги, буквально выдернув из-под своей увесистой задницы стул – и с ужасным грохотом обрушил его на столик, за которым сидели заговорщики. Точнее говоря, целил-то он в затылок крепышу, но тот, очевидно, обладал развитым чувством опасности. В последний миг он качнулся в сторону, и стул жახнул о столешницу, переворачивая стол и сметая на пол уже полупустые тарелки и кувшины.

– Начинается! – завопил виночерпий, ныряя под стойку.

Секунду спустя падать – на пол, разумеется, – пришлось и мне, ибо в пальце от моей головы пролетел увесистый глиняный кувшин, сокрушивший сразу несколько разномастных бутылей за стойкой. Помня о совете Энгарда, я выхватил свой узкий нездешний меч и, не обращая никакого внима-

ния на оставшиеся на стойке деньги — а оставалось там порядочно, — развернулся к залу. В это мгновение кто-то резко дернул меня за рукав.

То был моряк.

— Дверь за стойкой! — прокричал он мне в самое ухо.

Но быстро уйти нам не дали. Прежде чем я вспрыгнул на табурет, на меня едва не навалился какой-то парень с длинной гладкой палкой в руке. Судя по тому, как он разнес ею свободный столик, в палке был свинец. Но у меня в руке был меч, и я еще помнил кое-какие уроки своего наставника Камора. Я не стал выворачивать дубинку из его кисти, хотя видел, что мог бы это сделать, — я плашмя ударил его по запястью, и он с визгом рухнул на пол. Идиот! На его месте я возблагодарил бы богов, что меч не провернулся в моей ладони, а то он остался бы калекой.

Мои приятели-заговорщики тем временем резво орудовали стульями, не прибегая к помощи оружия. Я видел, что они, трезво оценивая ситуацию, стремятся пробиться к выходу, и понимал, что им это вот-вот удастся, несмотря на огромный численный перевес нападавшей партии. Раз так, следовало испаряться и мне.

Я сжал в свободной ладони золотую монету и просочился через неприметную дверь: она вывела меня в кухню.

— Спокойной ночи! — крикнул я, швырнув монету вишечку, который вооружал поваров какими-то баграми, срывая их со стенных крючьев. — Где тут выход?

– Там, – мрачно махнул он рукой.

Темные дворики вывели меня на площадь. Карета Энгарда Дерица все так же недвижно стояла возле высохшего фонтанчика, на ее мокром кожаном боку посверкивали отблески желтых уличных фонарей.

– Ну? – вскинулся Энни, едва я распахнул дверцу.

– Они идут грабить некоего Фолаара, – сообщил я, устраниваясь рядом с ним. – Сегодня, после полуночи, в доме на болотах.

– Грабить?! – Дериц выпучил глаза. – Ты уверен? Ты не мог ослышаться?

– По крайней мере, я так думаю. Дело в том, что господин Мордир умудрился сломать мачту и теперь засел с товаром на острове Таэр. А они этим чертовски обеспокоены...

После того как я подробнейшим образом изложил Энгарду все услышанное мною в борделе, он впал в состояние оцепенения. Впрочем, длилось оно не более трех моих глотков.

– Значит, бумаги нужны им до зарезу, да еще и прямо сейчас, – наконец сказал он. – Следует выяснить, однако, для чего такая спешка. Фолаар может и не отдать их в кредит...

– Ну, тогда они его зарежут, – фыркнул я.

– Ты считаешь, что так просто зарезать господина королевского дознавателя? – сверкнул глазами Энгард.

– Но помилуй! – рявкнул в ответ я. – Я что, в курсе, кто он?.. Ты разве говоришь мне хоть что-нибудь? Дознаватель, стражник, стряпчий... я едва не получил по башке свинцо-

вой дубиной – не зная, за что! Есть на свете справедливость, нет?

– Ты все узнаешь, – хохотнул Дериц. – Клянусь тебе... а что, была драка?

– Еще какая! Хорошо, что ты предупредил заранее.

– Ладно! – Энгард хлопнул меня по колену и примиряюще улыбнулся:

– Сейчас мы поедем в приличное место поужинать, а ближе к полуночи примемся за дело. До болот нам недалеко.

* * *

– Я начну издалека, – сообщил мне Энгард, пошевеливая носом над горшочком с рыбным филе, протушенным в грибном соусе, – с того, что господин королевский дознаватель Фолаар отличается совершенно непомерным для своего ранга тщеславием, а также любопытством. Кстати, кухня здесь, поверь мне, весьма недурна...

Я кивнул и нетерпеливо дзинькнул ногтем по тонкому стеклянному бокалу, стоявшему передо мной.

– Да, – продолжал мой приятель, – Фолаар... Фолаар, понимаешь ли, умудрился по уши влезть в одно жутко неприятное дело, в котором был замешан некий принц королевского дома. А наш государь, чтоб ты знал, очень не поощряет любые расследования, так или иначе затрагивающие весь тот м-м... бардак, что творится за золочеными воротами двор-

цового Града.

– Говори проще, – бросил я. – Мы не на приеме...

– Попросту Фолаару должны были свернуть шею. Что ты так на меня смотришь? У нас это теперь в порядке вещей. Не надо лезть, куда не просят.

– Он что, не мог это дело бросить?

– Да поздно было, пойми ты! Он уже накопал столько, что даже отставка не спасла бы его от случайной пули. Или от чьего-нибудь пьяного ножика...

– Чушь какая-то, – фыркнул я, все еще не понимая сути дела. – Ну интриги, ладно... хорошо, а почему же он до сих пор жив?

– А оказалось, что деньги – когда речь идет о довольно серьезных деньгах, – способны спасти твою шею даже в таком вот случае. В общем, Фолаар смог откупиться. Я уже никогда не узнаю, откуда к нему эти деньги пришли и куда именно ушли, да это и неважно. Интересно то, что деньги Фолаару понравились. Он на самом деле очень талантливый тип, я не говорил тебе? Вот он и применил свои таланты. И в один прекрасный день, – Энгард щелкнул пальцами и расплылся в счастливой, совершенно мальчишеской улыбке, – мне стало известно, что именно он, старший королевский дознаватель Фолаар, «держал на веревочке» тех ублюдков, что состряпали совершенно нелепое расследование странной деятельности наших друзей с севера.

– Н-да, – пробурчал я с набитым ртом, – ты невероятно из-

менился за то время, что я болтался по всяким пустыням...
прям другой человек...

– Я и раньше был таким, – парировал Энгард, – просто ты еще меня не знаешь. Но к делу... И вот теперь я вдруг узнаю, что довольно загадочная банда не то контрабандистов, не то наемных убийц очень желает выкупить у него все бумаги, относящиеся к делу. А среди бумаг, что самое важное, есть и протоколы – настоящие, а не «зеленые», протоколы по делу. Понимаешь? Что я должен был предпринять? Меня они немного знают – хуже того, кое-кто уже стал догадываться, чем я занимаюсь на самом деле.

– Ну, здорово, – обрадовался в ответ я. – А тут появляется свежий парень Маттер, которого не знает ни одна собака в этой вашей, будь она неладна, столице!..

– Не обижайся, – улыбнулся Дериц. – Мы же договорились играть в одну игру, верно?

Я махнул рукой и приготовился слушать дальше. Честно говоря, рассуждения Энгарда мне совершенно не нравились. За каким таким демоном мне сдались эти шуточки юного авантюриста? Мало у меня способов свернуть себе шею? Мне нужно любой ценой найти Монфора и постараться выбить из него ответы на мучившие меня вопросы, а не крутить интриги в совершенно незнакомом мне городе, каждый карапуз которого знает о жизни втрое больше меня.

С другой стороны, альтернатива у меня не просматривалась даже на горизонте...

– Расскажи мне об этой публике, – попросил я. – О тех троих... ты говоришь, они контрабандисты?

– Да, странные они люди, – задумчиво хмыкнул Энгард. – Никто о них ничего толкового сказать не может. Говорят, что они ходят через северную границу, как к себе в сортир. Еще говорят, что они брались за совсем дурные дела, но как и для кого, мне пока выяснить не удалось. Сейчас – это я знаю точно – они прикупили себе пару суденышек и частенько маячат на юге.

– Дружат с Белыми Шапками? – догадался я.

Дериц кисло сморщился и покачал головой.

– Да.

– И как же ты собираешься решить дело с этими бумагами? Или ты думаешь, что они отдадут их тебе просто так, по широте душевной?

– Как ты сказал? – переспросил Дериц. – По широте?.. Никогда не слышал такого выражения... Да нет.

Он подцепил из горшочка скользкий коричневый гриб, повертел его на вилке и отправил в пасть.

– Если я точно буду знать, что бумаги покинули ласковые руки господина Фолаара, разбираться с ними будут уже другие люди.

– Ты хочешь «слить» это трио королевской Страже? – поразился я. – Не трогая при этом Фолаара? Но как...

– А вот об этом, – перебил меня Энгард, глядя в потолок, – мы поговорим попозже. Договорились? Страже!.. Додумать-

ся ж надо... Гм.

Незадолго до полуночи карета остановилась в окрестностях большого белого храма, ярко освещенного сотнями изящных фонарей с начертанными на них священными письменами. Откуда-то здорово несло тиной.

– Сегодня Ночь трех пророков, – сообщил Энгард, выбираясь наружу. – Скоро здесь появится целая толпища паломников, и мы сможем исчезнуть, не привлекая внимания.

– Домик Фолаара где-то рядом? – поинтересовался я.

– Меньше полумили... идем.

Дорога, выложенная стершимися от старости булыжниками, вскоре превратилась в колею, петляющую промеж деревьев. Через пару сотен шагов я заметил впереди неяркий желтый огонек.

– Вон он, – прошептал Энгард. – Дальше начинаются топи... Фолаар очень любит здесь уединяться – у него, видишь ли, полон дом всяких жен, дочерей и приبلудных тетушек. А тут покой, идеальное место для работы с бумагами и, гм, клиентами.

– Сколько в доме людей? – переходя, как и он, на шепот, спросил я.

– Только старый слуга – он же кучер, он же повар.

Я кивнул. С болот тянуло сырым противным ветром, и вообще вся окружающая нас местность действовала на меня не лучшим образом. Тысяча демонов! Сейчас я предпочел бы оказаться на палубе корабля посреди самого лихо-

го шторма... Я незаметно проверил свои пистолеты и потащился вслед за Энгардом, который неожиданно свернул куда-то вправо, шумно проламываясь сквозь ветви придорожных кустов.

Очевидно, он хорошо изучил местность – кустарник вдруг расступился, открывая едва заметную в лунном свете тропку: она вела в обход приусадебного парка, обнесенного покосившимся, а кое-где обрушившимся забором.

– Здесь калитка, – шепнул Дериц. – Чуть дальше... вон она.

Мы остановились подле хлипкой, донельзя заржавевшей дверцы, которая каким-то чудом не падала с гнилых от сырости древности петель. Дериц осторожно потянул ее на себя, шустро просунул в образовавшуюся щель руку и что-то повернул.

– Вот так, – сказал он. – Теперь – пригнувшись...

Парк зарос высокой, едва не в пояс, сорной травой, и спрятаться тут было совсем не трудно. Замерев возле толстенного дуба, я с интересом осмотрел загородное владение господина королевского дознавателя.

Вероятно, когда-то это была довольно богатая вилла какого-то идиота, которому приспичило поселиться в этой вечной сырости: широкое строение с двумя башенками и неизменной «беседкой» на крыше. Черепица заросла мхом, почти все окна глядели во мрак зловещими черными провалами, но на втором этаже все же горел свет – тускло светились

два угловых окна, выходящих на парадные ворота.

– Подождем пока здесь, – решил Энгард, вытаскивая трубку.

– Ну и местечко он себе выбрал... – заметил я, осторожно высекая для нас огонь. – Не мог, что ли, найти ничего лучше?

– Храм, – тихо рассмеялся Дериц. – Все дело в храме. Когда очередного конфидента спросят, что он делал посреди болот, тот невинно ответит, что ездил на молебен... Фолаар прекрасно знает, что время от времени за ним принимаются следить. А это место довольно тихое.

– Но если уж за кем-то проследят, то какой смысл пытаться отрицать очевидное?

– А что – очевидное? Ездил человек в храм, богам помолиться – попробуй докажи, что он еще и к дознавателю забегал? Или ты думаешь, что в суде кто-то примет в расчет показания наемных ищеек? Не-ет... ездил? Да, ездил! В храм ездил. А что там про меня наговорили, так вы же сами понимаете, сколько у благородного человека завистников и недоброжелателей.

– А...

Я не договорил.

В тишине, прерываемой лишь негромким посвистом ветра, отчетливо раздался скрип главных ворот, и я увидел, как по короткой аллее шагом едут трое всадников.

– Это они! – возбужденно зашипел Дериц. – Теперь – я

на дерево, а ты – на стену! Там старая деревянная решетка, когда-то на ней рос виноград. Залезай и смотри, только так, чтобы тебя не увидели!

Я коротко кивнул и бросился к дому. Решетка, сколоченная из узких деревянных планок, держалась на одной молитве, но мой вес внушал определенные надежды. Я быстро вскарабкался до уровня второго этажа и с радостью обнаружил там небольшой каменный карнизец, опоясывающий дом по периметру. Держась за решетку, я прошел по нему до угла дома и замер, вжавшись в холодную сырую стену. За моей спиной Энгард взобрался на узловатое старое дерево и спрятался меж ветвей. Я понимал, почему он выбрал себе более безопасный наблюдательный пункт: даже если меня увидят и узнают, это ничего не изменит, я просто успею удрать – но вот если увидят его, беды не оберешься.

Сперва я услышал, как гулко хлопнула дверь. Потом чей-то резкий голос недовольно произнес:

– А, это вы наконец. Надеюсь, вы доставили мне то, о чем мы договаривались?

– Вы могли бы и поздороваться, милейший Фолаар, – медленно ответили ему, и я сразу узнал говорившего: это был долговязый.

– Я не собираюсь с вами здороваться! – перебил его дознаватель. – К делу! Товар при вас?

– Видите ли, – теперь заговорил тип в плаще, – с товаром вышла заминка. Товар, можно так сказать, немножко

застрял. Но застрял он, уверяю вас, на время, на совсем небольшое время...

– И вы приперлись ко мне, чтобы рассказывать какие-то сказки? Посмотрите на это отрепье, Таракис: они хотят вести серьезные дела, но не могут даже выдержать ими же назначенные сроки... что же еще?

– Мы... видите ли, милейший Фолаар, мы оказались в чрезвычайно сложной ситуации. Бумаги нужны нам не просто срочно, а именно сегодня, и никак не позже – поверьте, от этого зависят жизни многих людей, которые ничем перед вами не провинились. Мы пришли, чтобы просить вас о своеобразном кредите...

Неожиданно я подумал, что речь выдает в живом трупе образованного человека. Интересная, однако же, компания...

– О каком еще кредите? – раздраженно выкрикнул Фолаар. – Что вы мелете?

– Если мы получим бумаги сегодня, то есть, я хотел сказать, прямо сейчас, то я готов дать вам любую клятву в том, что ваш товар будет доставлен вам в ближайшие же дни – в целости и сохранности.

– Убирайтесь отсюда, – послышался звук отодвигаемого кресла, и я решился все-таки заглянуть в окно.

Шторами, хвала небесам, Фолаар себя не обременял; посреди большой, вытянутой в длину комнаты стоял диван с кистями, на котором восседал самодовольный толстяк, при-

жимавший к себе желтый кожаный портфель, перед ним – низкий стол, плотно заваленный бумагами, и кресло, в котором, очевидно, и помещался хозяин. Сейчас он стоял у стены, буравя взглядом троих своих гостей, которые мялись возле приоткрытой двери.

– Убирайтесь, – повторил Фолаар, засовывая руку в карман своего просторного камзола, – и можете считать, что ни о каких сделках мы с вами не говорили.

– Вот как? – зловеще просипел ходячий покойник. – Тогда...

Он не договорил: Фолаар выстрелил первым.

Следом загрохотал пистолет в руке долговязого, но он тотчас же свалился с пробитой головой: господин королевский дознаватель стрелял на удивление быстро.

Впрочем, это его не спасло, серолицый спустил курок прямо через карман плаща, и Фолаар со стоном осел на пол. Не глядя на поверженного товарища, человек в плаще метнулся через комнату и рывком распахнул верхний ящик не замеченного мною ранее бюро, которое стояло в дальнем углу, частично прикрытое куском темной материи. Едва он, держа в руках какую-то темную папку, развернулся, как грохнули еще два выстрела: это почти одновременно прикончили друг друга толстый Таракис и третий бандит.

Серолицый недоуменно пошарил в кармане, но опоздал – толстяк с развороченным пулей животом приподнял голову и медленно, будто в воде, навел на него небольшой серебри-

стый пистолет. На груди серолицего расцвела кровавая роза, но он не упал. Шатаясь и хрипя проклятия, кандидат в мертвецы прошаркал через комнату и скрылся в дверях.

Обдирая руки, я свалился на землю. Рядом со мной застыл трясущийся Дериц.

– Они – все? – визгливо выкрикнул он.

– Все! – ответил я.

– Бумаги! Бумаги!

Энгард пулей бросился вперед – споткнулся, промчался несколько шагов на четвереньках, потом кое-как выпрямился и скрылся за углом. Проклиная все на свете, я рванул следом за ним. Мы успели вовремя – раненый, едва двигая ногами, выбрался из высоких темных дверей и остановился, держась рукой за стену. Над его головой висел небольшой фонарь, вставленный в ржавую железную петлю, – в слабом свете я разглядел огромное кровавое пятно на груди последнего из визитеров и понял, что моя помощь тут уже не потребуется.

К серолицему – теперь его лицо было уже не серым, а каким-то белесым, словно утренний туман, – подбежал Энгард.

– Т-ты? – с трудом разлепив губы, недоуменно выдавил контрабандист. – А разве?..

Не говоря ни слова, Дериц выхватил из его скрюченных пальцев драгоценную папку и тотчас же, едва она оказалась в его руке, выстрелил ему в голову.

Человек в плаще беззвучно рухнул на сырой камень

крыльца, и Энгард повернулся ко мне.

– Бежим, – задыхаясь, взвизгнул он. – Бежим!

И мы бросились прочь от темного дома, в котором только что пролилась кровь.

Я мчался сквозь лес, совершенно не ощущая опасности – после Рашеро все это воспринималось как сон, не более: может быть, как забава, я словно бы и не осознавал того, что только что на моих глазах погибло несколько человек, а мы с Энгардом – впрочем, это-то выяснилось позднее, – оказались впутаны в массу весьма темных и странных дел. Нет, я просто бежал вслед за своим другом, немного удивляясь его страху. В конце концов, не мы же их всех убили? А что до серой рожи в плаще – он и так умер бы, не сумев даже возвратиться на свою лошаденку...

Мы сбавили ход только тогда, когда впереди разлилось оранжевое зарево храмовых огней. До моих ушей донеслось еще далекое всхрапывание лошадей, постук копыт и многоголосый гомон. Похоже, праздник был в самом разгаре.

– Ка... ка... – Энгард остановился и мучительно закашлялся. – Кажется, нам здорово повезло...

– Ты имеешь в виду нашу добычу? – спросил я.

– Да... идем же, нам не стоит задерживаться.

В тот момент, когда мы садились в карету, из храма вдруг ударил густой, торжествующий рев – казалось, что целое сонмище местных богов решило поприветствовать эту сырую ночь. Содрогнувшись от неожиданности, я пригнул го-

лову и поспешил откинуть небольшой рундучок в борту кареты, где Энни всегда хранил запас спиртного.

– Это монахи дуют в трубы, – негромко засмеялся скрытый полумраком Дериц. – Впечатляет, не правда ли?

Глава 4

– Сегодня я убил своего второго... – задумчиво произнес Дериц, разглядывая стоящую перед ним тарелку с обжаренными ребрышками. – А ты?

– Сегодня я не убил никого, – мрачно ответил я, – а вообще я их не считал. Стоит взяться за такие подсчеты, и душевное расстройство гарантировано.

Есть мне не хотелось. Отставив тарелку, я налил себе крепкого розового вина и принялся за трубку. Противно саднили ободранные ладони – проклятие, почему я не додумался захватить перчатки? – и не менее противно вонял бальзам, которым я их промывал.

Энгард вздохнул и придвинул поближе массивный семи-свечник. Газ тут сэкономили: в пригороде за него драли куда больше, чем в столице.

– Знаешь, мне даже страшно открывать эту папку, – признался он, с ухмылкой глядя на меня. – Тут столько всего...

– Надеюсь, дворцовых тайн там не наблюдается? – по-ежился в ответ я.

– Не знаю, не знаю... Но ведь, с другой стороны, никто не знает, что папка именно у нас.

– А ты не думаешь, что когда эта история всплывет – а она наверняка уже начала всплывать: вспомни, в доме оставался старик-слуга, – так вот, ты не думаешь, что эту папку начнут

искать?

Энгард откинулся на спинку своего высокого стула и в задумчивости поскреб кончик носа.

– Давай-ка выпьем, – неожиданно предложил он. – Искать ее, конечно, начнут, потому что довольно много людей осведомлены о ее существовании... Но если мы будем вести себя осторожно, то никаких концов они не сыщут. А мы заработаем денег.

– Ты можешь мне объяснить, для чего эти бумаги так понадобились этим троим... покойникам? Да еще и так резко, что они взяли и слили за борт самого господина королевского дознавателя?

– Если бы я знал это точно, – хмуро ответил Энгард, – нам не пришлось бы лезть в такое дерьмо. Я могу только догадываться... Сегодня ночью столицу покидают некие тайные гости из Ханонго.

– Для них?

– Для них... хотя тут тоже есть кое-какие нестыковки. Ладно, – он глотнул вина и решительно распахнул кожаную створку. – Посмотрим...

Несколько минут он довольно вяло перебирал разнообразные, часто украшенные печатями нотариусов бумаги, как вдруг, вскрикнув, наклонился над желтоватым документом, лежавшим то ли пятым, то ли шестым сверху. Лицо Энгарда побелело, он рывком, обрывая пуговицы, расстегнул ворот изящной шелковой сорочки – я увидел, как у него трясутся

руки.

– Что там? – нервно спросил я, перегибаясь через стол.

– Вексель... принца Ренфро... – прохрипел Энни, на ощупь отыскивая свой бокал.

– Кто он такой? – недоуменно поднял я брови.

– Он мошенник. Но я никогда бы не подумал, что он... святые и грешники! К векселю приложен договор с одним из королевских корсаров – а тот, как я догадываюсь, напрямую связан с Белыми Шапками... вексель погашен, но... он датирован этим годом. О небо, во что же мы влезли?!

– Какого же демона он не уничтожил вексель после того, как вернул долг?

– У нас очень сложное финансовое право, ты просто не разбираешься в нем. Векселя уничтожаются только через пять лет, а до того они хранятся у нотариуса – на случай взаимных претензий сторон, для суда, в основном... проклятие, как же мы влипли...

Энгард судорожно глотнул и принялся лихорадочно перебирать находящиеся в папке бумаги – а их там было немало. Некоторые он сразу отшвыривал в сторону, другие, взглядевшись в записи, клал перед собой.

– Нотариус Веке, – выдохнул наконец он, остановившись на середине папки, – и я почти уверен, что он уже на том свете. Или пропивает свои денежки где-нибудь в Ханонго. Ох и славное же дельце! Тот, в чьих руках окажутся эти бумажки, сможет шантажировать его превосходительство главного ко-

ролевского казначея... так это еще только половина. – Дериц хлопнул рукой по папке и вымученно улыбнулся:

– А что ж там еще?

– А то, что ты искал, – прищурился я, – там?

– Да, – хмыкнул Энгард и поднес к свету длинный, сложенный гармошкой лист со множеством подписей и разноцветных печатей, – протоколы... те протоколы, которые были составлены для того, чтобы выбить из ханонгских «кредиторов» побольше денег. Им показали абсолютно правдивые и абсолютно официальные бумаги, а потом сказали: платите, и мы составим то, что вас устроит. Не сойдемся – не взыщите.

– Значит, сошлись...

– Безусловно. Но каков хитрец! Подозреваю, что он копил все это богатство еще и из чувства мести – наверное, ему приятно было знать, что кое-кто из королевского дома жужжит, как муха в его кулаке, и не может вырваться.

– Ты уверен, что этот Ренфро знал, что такие бумаги находятся у дознавателя Фолаара?

– Конечно нет! Фолаару, похоже, нравилось балансировать между жизнью и смертью – месть, конечно, была скорее воображаемой. А может, они являлись некоторыми гарантиями. Теперь мы это уже вряд ли узнаем. Ты, кстати, уверен, что он подох?

– Совершенно. С такими ранами не живут, можешь поверить мне как лекарю. Но объясни мне... я никак не могу по-

нять, как же он решился все это продать? Только из-за денег? Но какие же, к демонам, деньги, могут заставить человека...

– Вот это я теперь и сам хочу узнать, – резко перебил меня Энгард. – Потому что, сдаётся мне, дело тут совсем нечисто...

Он помотал головой, сделал ещё глоток вина и принялся аккуратно складывать загадочные бумаги обратно в папку.

– Я уеду рано утром, и завтра меня, пожалуй, не жди, разве что к ужину. Надеюсь, мне удастся кое-что прояснить.

– Будь осторожен. – Я встал и задвинул свой стул.

Энгард горестно хмыкнул и махнул рукой.

– Я теперь вроде бочки с порохом... и ты тоже.

Залезая под одеяло, я подумал, что уж я-то давно представляю собой бочку с порохом...

* * *

Дайниз отложила в сторону серебряную вилку и принялась раскупоривать устрицу – изящные щипчики она держала так, словно всю жизнь только тем и занималась, что куртуазнейше завтракала с аристократическими гостями. Я сам предложил ей разделить мою полуденную трапезу: после ночных приключений мне почему-то не хотелось оставаться в одиночестве. Госпожа хозяйка меня удивила.

Совершенно неожиданно для меня она не стала играть роль жеманной аристократочки и плести мне всякую чушь,

а, деловито поинтересовавшись моим состоянием, заговорила о себе. Я, признаться, был изумлен. «Возможно, – подумал я, – ей хочется выговориться перед симпатичным мальчиком?» Эта мысль заставила меня недоуменно усмехнуться – но нет, тон Дайниз был вполне серьезен и даже, наверное, печален.

– Энгард сразу понял, что мы с ним стоим друг друга, – щипчики легли на белоснежную скатерть, – а я тоже поняла, что без его идей мне далеко не уйти...

– Я уже догадался, что идей у него масса, – понимающе хмыкнул я. – Он весьма одарен от природы. Хотя, когда мы только познакомились, мне и в голову не могло прийти, что этот парень может иметь такие амбиции. Впрочем, я и сам тогда был несколько... несколько иным, если можно так выразиться.

– И что же изменило вас, мой князь?

Я бросил короткий взгляд на ее изумительно красивые руки и поспешил вернуться к жареному цыпленку.

– Мне пришлось совершить долгое и не слишком приятное путешествие. Много крови, много стрельбы, много-много миль. Слишком много впечатлений. Я и сам не заметил, как стал другим человеком.

– Энгард отзывался о вас как об очень сильном человеке, князь.

– Ну, вас тоже никак не назовешь слабой женщиной...

Дайниз тихонько вздохнула. Мы пили легкое белое вино,

в раскрытое окно струился прохладный ветер, но тем не менее я не мог отделаться от напряжения, словно ожидая какого-то удара. Злясь на себя, я налил себе уже третий по счету бокал, когда в комнату неожиданно вошла рослая темноволосяя девушка в длинном шерстяном платье.

– К вам гость, мой господин, – произнесла она, кланяясь.

– К-кто?! – Я сорвал с себя салфетку, по пальцам стремительно понесся неприятный холодок.

– Некий Орестес Накасус, мой господин. Он ждет за воротами. Что прикажете?..

Коротко кивнув Дайниз, я вскочил на ноги. Накасус! Но откуда? Я пробежал через парковую аллею и махнул рукой привратнику, стоящему возле замкнутой на засов калитки. Парень послушно выдернул болт.

В переулке стояла большая карета, лишенная каких-либо гербов или эмблем.

Возле нее, облокотясь на черный лаковый борт, покуривали трубочки двое молодых мужчин – одинаково узких в кости, каких-то поджарых, словно гончие, и – это я ощутил буквально затылком – одинаково опасных. Оружия у меня не было... Пару секунд я стоял, уже готовый ринуться назад, за спасительное железо ворот, но дверца кареты вдруг распахнулась, и я увидел лицо знаменитого актера.

– Дорогой мастер... – прошептал я, чувствуя, как начинают дрожать мои руки.

– Что с вами, мой господин? – Накасус поспешно выбрал-

ся из экипажа и подхватил меня под локоть. — Я никак не ждал увидеть вас в столице... вчера я вернулся из деловой поездки, а сегодня утром меня нашел младший из рода Деричи и дал этот адрес. Где князь? Он здесь, с вами?

— Князь мертв, — ответил я, приходя в себя. — Он убит... идемте в дом, мастер, мне надо многое вам сообщить. Боюсь, я не в самом лучшем виде, но это от волнения... нужно только немного вина.

Дайниз мгновенно поняла сложившуюся ситуацию. Уже через минуту столик на веранде был сервирован заново, и мы уселись в удобные плетеные кресла друг против друга. Глаза Накасуса казались белыми от изумления пополам с ужасом, но он не теребил меня вопросами, деликатно ожидая, пока я не расскажу все сам. Я не стал терзать его неизвестностью.

— Князь Эйно был убит вскоре после прибытия в Альдо-ваар, — я налил в бокалы вина, — там, в Рашеро, он здорово сдал из-за мерзкого климата, и я не смог ничего сделать — он умирал у меня на руках.

— Как это произошло? — почти выкрикнул Накасус, не обращая никакого внимания на предложенный бокал.

— В тот вечер мы остались в замке одни... с кухаркой. Все слуги были отпущены на моление в храмы, и тут на нас напали несколько человек. Нам удалось уложить их всех, но князь Эйно получил рану, несовместимую с жизнью: лихорадка доконала бы его во время операции, и он это понимал. Так как... м-м...

Я замялся и не придумал ничего лучшего, как сделать хороший глоток.

Накасус, ерзая от нетерпения, пристукнул ладонью по столешнице.

– Так как что?..

– Видите ли, теперь князь Эйно Лоттвиц – это я. И посредник... посредник тоже я.

– Так.

Накасус вздохнул и погрузился в размышления. Мне стало совсем неудобно. Что я делаю, а если он тоже связан с Монфором? Но, как бы там ни было, другого выхода, кроме как рассказать ему все, что я знал, у меня просто не оставалось.

Хоть бы гонец Энгарда поскорее добрался до Иллари! Сейчас мне, как никогда, требовался его совет – в конце концов, он знал никак не меньше, чем сам Эйно.

– И вы оказались в столице?

Это был даже не вопрос, а скорее утверждение. Я вздрогнул, посмотрел на старого актера и опустил глаза.

– Перед смертью князь приказал мне исчезнуть. И не только... он распорядился уничтожить некоторые следы нападения на замок – не знаю, какой в этом был смысл, – и сказал мне еще кое-что. Если я правильно понял, он обвинил в своей смерти Рэ Монфора.

На сей раз содрогнулся Накасус.

– Вы уверены, мой господин? – едва не шепотом произнес он.

– Я не мог ошибиться.

– Но это... это просто невозможно! Монфор – человек влиятельный, он не раз помогал князю во всех его начинаниях, да больше того, они были близкими друзьями. Нет, я не в состоянии в это поверить. У Монфора просто не было ни малейшего повода!

– Повод – Череп.

– Череп?

– Разумеется. Ведь вы знали, за каким демоном мы тащились через океан? Так вот, мы добыли этот пресловутый Череп. С другой стороны... – Я помедлил, размышляя, стоит ли делиться с мастером своими сомнениями, и все же решился:

– Я тоже не могу ничего понять: Монфор и так получил бы Череп в свое распоряжение. Еще только приближаясь к Альдоваару, Эйно поспешил уведомить его о благополучном исходе путешествия. Но, может быть, он имел какие-то свои планы?

– Монфор – авантюрист, но он ученый, – веско сообщил мне актер, – и его интересы лежат в плоскости исключительно научной. Он не является посредником в полном смысле этого слова, он скорее парит поверху, наблюдая за нашими взаимоотношениями с чужаками. Он не убийца, уверяю вас! Впрочем...

Он снова задумался, и теперь ерзать пришлось уже мне. Наконец я не выдержал:

– Скажите, мастер, могу ли я рассчитывать на вас так, как

рассчитывал мой наставник?

Накасус неожиданно поднялся из кресла – следом вскочил и я. Он смотрел на меня мрачно и твердо – в какой-то момент мне показалось, что сейчас он развернется и уйдет, не произнеся ни слова.

– Дело, которому все мы служим, – негромко проговорил он, – настолько серьезно, что каждый, оказавшийся всего лишь причастным, остается среди нас навсегда. Это слишком старые тайны, мой князь. Завтра... – Накасус помедлил, очевидно, что-то подсчитывая в уме, – завтра в десять утра отправляйтесь на поле Драконов, оттуда свернете на Бамбуковую улицу и спросите театральную школу Святого Уллы. Я буду ждать вас. Надеюсь, мне хватит времени кое-что разузнать.

Завтра я смогу дать вам более дельный совет, а пока же – затаитесь. Это место, как я понимаю, достаточно надежно?

– Вполне. Я доверяю Дерицу. У меня... ну, в общем, у меня есть все основания для такого доверия.

– Прекрасно. Старайтесь поменьше показываться в столице. У вас есть крытый экипаж? Если нет, я пришлю за вами своих людей.

– Вам не о чем беспокоиться, здесь есть кареты.

Я проводил Накасуса до ворот: на прощание он крепко пожал мне руку, широко улыбнулся и скрылся в чреве своего экипажа. В его рукопожатии было что-то отцовское... Я вернулся на веранду и с облегчением подумал, что дела приня-

лись наконец вертеться. Теперь меня не бросят, в этом я был уверен. Но, о небо, скорее бы вернулся посланный в Альдо-ваар гонец!

* * *

Бамбуковая улица оказалась чистенькой, но чрезвычайно узкой норкой, застроенной древними трехэтажными зданиями, первые этажи которых занимали самые разнообразные, подчас странноватые магазинчики – как, например, понравится вам лавка, торгующая исключительно чучелами? Школа Святого Уллы обнаружилась неподалеку от набережной. Я приказал кучеру развернуться и ждать меня на углу, а сам, поглубже нахлобучив свою широкополую шляпу, нырнул в темную подворотню – вход, как уведомляла привинченная к стене табличка, находился во дворе.

Какой-либо охраной тут и не пахло. Я спокойно вошел в широкие двери и остановился в немного затхлом холле, размышляя, что же делать дальше. Стены были выкрашены облупившейся зеленой краской, под ногами лежал давно протершийся ковер... сверху, со второго этажа, ударил сильный, хорошо поставленный голос:

– Лишь тот, кто ждет огня сквозь пелену дождя, способен верить так, как я...

– Нет же! – раздраженно ответил ему Накасус. – Проход по сцене... с левой ноги, и еще: ты же ранен, ты хромаешь!

А это... жди, когда ударят колотушки, и тогда пошел!..

Я взбежал по лестнице и сразу увидел раскрытую дверь. За ней находилось большое, ярко освещенное двумя окнами помещение, до середины уставленное какими-то ящиками и кожаными ларями. В углу нервно мялся высокий молодой человек со свитком в руке, а меж окон верхом на стуле сидел мастер – немного бледный, прищуренный, он показался мне уставшим, словно после долгой дороги. Я кашлянул и сдернул с головы шляпу.

Накасус резко обернулся и тотчас же сорвался со стула. Я увидел, как подрагивает край его рта.

– Занятие окончено! – крикнул он, не оборачиваясь на своего ученика, и выпихнул меня на лестничную площадку.

– Простите, что я прервал ваш урок, – залепетал я, но актер не дал мне произнести и слова.

– За мной! – прошипел он, бросаясь вверх по лестнице.

Недоумевая и тревожась, я бросился следом. По спине у меня поползли мурашки. Прежде чем войти в разрисованную цветами дверь, я машинально ощупал пистолет под плащом.

Впрочем, это было лишним: Накасус привел меня в некое подобие примерной.

Плюхнувшись в старое деревянное кресло, он сунул руку под свой камзол, выдернул небольшую кожаную флягу и жадно забулькал. Я стоял у дверей, не решаясь садиться.

– Сегодня ночью убили Монфора, – выдохнул Накасус,

утолив наконец свою жажду.

Кажется, я широко распахнул глаза.

Несколько секунд я так и стоял, опершись о дверной косяк, а потом опустился на рыжий от старости кожаный ларь. Кажется, под моей задницей что-то скрипнуло, но для меня это не имело никакого значения – в голове вертелся вихрь пустоты и отрешенности. Что теперь?

Теперь я становился единственным на всю Пеллию...

– И дело это довольно странное, – услышал я голос Накасуса – для меня он прозвучал словно из пустоты.

– Что? – переспросил я. – Странное?.. Простите, мастер, я как бы... я слишком поражен услышанным. Что вы говорите?

– Выпейте! – Накасус протянул мне свою флягу и потянулся за трубкой. – Дело это, говорю, странное. Его убили в собственном замке – а вы знаете, как его охраняли? Хох, мудрец Рэ имел слишком много заклятых друзей, всегда готовых перерезать ему при случае глотку. Но! Кто-то сумел пробиться через полдесятка караульных со скорострельным оружием, застрелить самого Рэ в постели, махнуть по горлу его дворецкого Гэкко и перерыть весь дом от подвалов до крыши. Стража выясняет, что именно могло пропасть, но Гэкко еще долго будет лежать в госпитале.

– Дворецкий выжил? – Я подался вперед, ловя каждое слово старого актера. – Кажется, они были довольно близки?

– Они знали друг друга тысячу лет, – грустно хмыкнул

Накасус. — А сам Гэкко знает слишком много, но им он, конечно, ничего не расскажет. Плохо другое... сегодня я видел там, в доме, одного забавного человечка. Из Тайной канцелярии. Что бы ему там делать, вы не знаете?

— Вы были у Монфора?

— У меня своя система оповещения... а Стража знает, что мы дружили — поэтому мое появление никого не удивило. С этой стороны никаких неурядиц не будет, вы можете не опасаться... Меня волнует другое. По законам нашего братства, имущество Монфора — я имею в виду не земли и деньги, а бумаги и архивы — должно перейти в ваши руки. Но он так и не собрался оформить наследство. Надеюсь, нам удастся выкупить все это на аукционе.

— Хвала небесам, — резко возразил я, и Накасус удивленно моргнул.

— Это отчего же?

— Подумайте сами — только что умер князь Эйно, и наследником стал я. За ним умирает Монфор... любой, самый занюханный дознаватель прикинет: нетерпеливый мальчишка... захотел всего и сразу...

Накасус крикнул:

— Я понимаю, почему несчастный Эйно выбрал именно вас... Да, это мне и в голову не приходило. Смерть Эйно, я надеюсь, не повлечет за собой судебных проблем, тем более что в Альдовааре они разрешаются довольно простым способом.

– Я в курсе. Деньги у меня есть – пока. Но не знаю, хватит ли их в дальнейшем. Содержание корабля и моих людей обходится в гигантские суммы.

– Коммерческие дела князя...

– Позвольте, мастер... коммерция князя неописуемо сложна, к тому же у меня не было времени ознакомиться с его записями и бухгалтерскими книгами. Конечно, у меня есть Иллари, но я должен знать все – до последнего медяка. Далее: Монфор, не являясь посредником в полном смысле этого слова, имел тем не менее свои средства связи. Вы понимаете, о чем я говорю. Они тоже должны перейти в мою собственность.

– Знаете, – сказал актер после недолгого размышления, – способ, в сущности, есть. По закону, суд полгода будет ждать появления официального наследника. В течение этого времени распорядителем имущества будет Гэкко, он имеет соответствующее распоряжение хозяина, оформленное по всем правилам. Его главная задача – вернуть все долги, если таковые обнаружатся. Мы – точнее, я – можем заявить свои претензии на некоторую часть имущества убиенного. Так как речь не идет ни о деньгах, ни о землях или ценностях, устного заявления будет достаточно. А Гэкко, разумеется, все подтвердит. Это займет некоторое время, но я уверен, что все удастся.

– Как можно скорее, дорогой мастер! Мне кажется... нет, я почти уверен, что смерти Монфора и Лоттвица связаны

самым серьезным образом. И еще: что бы вы ни говорили, я буду мстить. Нет-нет, не смотрите на меня так...

Я достал трубку и принялся вырубать огонь. Мои пальцы мелко подрагивали. Пустив к потолку тугую синюю струю, я поднял глаза и посмотрел на немного удивленного Накасуса:

– Не считайте меня мальчишкой, это – совсем другое.

Мастер тяжело покачал головой, но ничего не ответил.

Глава 5

Копыта коней застучали по старому горбатому мостику. Я сильнее стиснул зубами мундштук давно погасшей трубки и изменил позу, облокотившись о раму правой дверцы – стекла были опущены, по карете гулял приятный сквознячок, – и задумчиво уставился на открывшиеся передо мной крыши старинного Воэна.

Неожиданно я заметил одинокую темную фигурку, неторопливо шествующую по обочине дороги. До нее было еще далеко, но она показалась мне знакомой. Я недоуменно прищурился и вдруг понял – да это же моя знакомая Айрис, та самая юная жрица из жутковатого храма у моря. Я встал, распахнул окошко в стенке кареты и приказал кучеру:

– Встанешь возле нее.

– Как прикажете, сударь, – он пожал плечами и потянул вожжи.

Карета замерла в трех локтях от девушки. Я распахнул дверцу и приветственно поклонился. На ее лице промелькнула удивленная улыбка.

– Как вы неожиданны, мой господин.

– Садитесь же, сударыня: зачем сбивать ноги? Вы идете пешком из самой столицы?

– Ну что вы! – засмеялась она. – Я доехала до перекрестка на дилижансе... вам не стоит беспокоиться, здесь ведь уже

рядом.

– Я могу настаивать?

Ее губы снова расплылись в очаровательной, немного смущенной улыбке. Жрица подобрала подол своего длинного одеяния и уселась напротив меня.

– На кладбище, к храму Ни-Эшер, – бросил я кучеру.

Парень недоуменно обернулся, но все же кивнул и щелкнул кнутом. Девушка сбросила с головы капюшон, и я увидел, что ее макушку венчает крохотная черная диадема.

– Я была в доме одного из прихожан, – объяснила она, заметив мой взгляд. – Он умирает и поэтому просил меня провести особый обряд над могилой его сына...

– Как жаль. Я так рад, что встретил вас! Но если вы будете погружены в отправление обряда...

– Нет, вы не поняли, – улыбнулась Айрис. – Обряд будет отправлен после смерти прихожанина... Обряд встречи... у нас так принято. Если вы хотите, мы можем побеседовать и сегодня.

Вскоре карета замерла неподалеку от холма, за которым начиналось кладбище, и возница постучался в окошко.

– Дальше ехать нельзя, сударь, – сообщил он, – никак нельзя, оси побьем.

– Возвращайся домой, – сказал я, выпрыгивая из кареты.

Айрис недоуменно воззрилась на мою руку, протянутую ей.

– Простите, – смутился я. – Я знаю, вы уже поняли, что

на самом деле я не пеллиец.

Она звонко рассмеялась и сняла с головы свою маленькую корону.

– Мой господин слишком хорошо воспитан, – и, улыбаясь, пошла по ведущей на холм тропке.

На его вершине я остановился. Айрис тоже замерла, ожидая меня; я стоял, щурясь от прохладного морского бриза, и не мог двинуться с места, всем своим существом ощущая близость живого, дышащего волнами моря.

– У вас лицо настоящего моряка, – тихонько произнесла жрица.

Я кивнул. В эту секунду мне вдруг отчаянно захотелось обнять ее, и еще: в душе поднималась какая-то тревожная грусть, похожая на ту, что одолевает, когда где-то далеко слышишь крики чаек. Я вздохнул и шагнул вниз, к кладбищу.

«Каждый из них, – вдруг подумал я, глядя на ряды надгробий, – сделал свой выбор. Сам!.. Что привело сюда – их? Что ведет меня? Что вообще ведет меня – всего лишь мечь?»

Я шел, вслушиваясь в тихий шелест шагов за спиной, и дивился этому невыносимому чувству: ощущению одиночества перед всем миром, сдавившему грудь.

Это не было одиночеством мальчишки, брошенного судьбой посреди необъятной тьмы, нет – потом, много лет спустя, я стал понимать, что тогда я впервые, сам об этом не догадываясь, познал ужас тщеты своих страстей: ужас, кото-

рый станет моим проклятием – о, скоро, уже скоро. Ужас и боль, страх предзнаменований, надежда на невозможное... да, все это будет потом, а пока я просто приближался к одинокой башенке печального храма и сжимал в кармане плаща прихваченную из кареты флягу с дорогим сладким вином.

Айрис отперла свое жилище и молча принялась хлопотать над печуркой.

Покуривая трубку, я наблюдал за ее тонкими руками и вслушивался в недалекий шелест прибоя. Во мне стояла тоска, глухая и непознаваемая – мне не хотелось ничего говорить, а только сидеть вот так вот на грубоватом табурете, вдыхая ароматный дым зелья, смешивающийся с запахами подброшенных в очаг трав. Когда я спрятал трубку, жрица поставила передо мной тарелку с горячими лепешками и плоску свежего масла. Я вытащил из кармана флягу.

– Сегодня моя очередь угощать вас. Надеюсь, капля доброго вина не помешает будущему обряду?

Айрис немного смутилась, по щекам девушки пробежала волна румянца. Она осторожно присела напротив меня и сама наполнила небольшие серебряные стаканчики, стоявшие до того на подоконнике.

– Расскажите мне о себе, – вдруг попросила она.

– О себе?.. – Я отхлебнул вина и потер подбородок. – Ну, как вы уже догадались, я родился очень далеко, за восточным океаном. В небольшой стране, жители которой имеют о Пеллии самое смутное представление. Моя страна горела в

огне... и меня подобрал некий пеллийский вельможа, приплывший к нашим берегам с тайной миссией. А потом, когда он умер, я стал его наследником. Вот, собственно, и все.

– Все? – Она недоуменно захлопала ресницами, и я вдруг подумал, что они похожи на крылья мохнатой черной бабочки... Эта мысль заставила меня нахмуриться, я поспешил сделать очередной глоток и потянулся за трубкой.

– В сущности, да, – кивнул я, прячась за облаком дыма. – Моя история не очень типична, но я уже имел возможность убедиться в том, что в нашем мире случаются очень странные вещи. А вы? Что привело вас в этот храм?

Айрис наклонила голову и принялась накручивать на палец блестящий черный локон.

– Я была рождена жрицей, – тихо проговорила она.

– Кажется, я уже слышал нечто подобное, – кивнул я. – Ваши жрицы дают некий обет... так?

Она молча кивнула.

– Но почему Ни-Эшер? Или это... как-то передается в таких случаях по наследству?

– Мне необязательно было идти в храм... Мой отец, он был очень влиятельным человеком, он беспокоился о моей судьбе. Но потом я пришла сюда сама.

– Сама? – Я чуть не поперхнулся дымом.

– У меня был выбор, – просто сказала девушка.

– Выбор? О небо... – зашипел я, сообразив, о чем она говорит. – До чего же это жестоко! Вы хотите сказать, что

здесь... здесь лежит ваш сводный брат? А там, в столице, — умирает ваш отец?

Она кивнула и закрыла глаза.

— Простите мне мою бестактность, — выдавил я, отворачиваясь к окну. О боги, как я неуклюж...

— Все в прошлом, — едва слышно прошептала жрица.

Не раздумывая над тем, что я делаю, я рывком повернулся и осторожно положил свои пальцы на ее ладонь. Девушка подняла на меня глаза — в них стояло изумление. Несколько секунд мы сидели, словно две статуи, не дыша и не сводя друг с друга глаз, потом она мотнула головой и встала.

— Налейте мне еще вина, — услышал я ее голос.

Я поднял голову — неподвижная, она стояла посреди комнаты, глядя на знакомый мне гобелен, и в ее огромных глазах замерла бездонная ночь. Понимая, что любые слова утешения будут еще большей бестактностью, я потянулся к полупустой уже фляге, но налить не успел — со стороны кладбища раздался топот, и почти тотчас же чьи-то кулаки неистово заколотили в дверь.

Прежде чем Айрис успела обернуться, в моих руках уже щелкнули взводимыми курками оба пистолета.

— В сторону, — одними губами прошептал я.

Она недоуменно распахнула глаза, но все же подчинилась, тихонько отошла в дальний угол и села на узкую, обитую бархатом тахту. Я осторожно выглянул в окно и не удержался от ругани — перед дверью бесновались двое хорошо знакомых

мне молодцов, служивших в доме Дайниз.

– Сейчас, олухи! – рявкнул я и, виновато кивнув Айрис, вышел на воздух.

– Нас послал господин Энгард, – возбужденно затараторил один из слуг. – Он только что прибыл в усадьбу и тотчас же осведомился о вашей милости. Кучер сообщил ему, что вы...

– Ясно, ясно! Сейчас едем...

Я вернулся в придел и коротко поклонился Айрис.

– Мне очень жаль, князь, – ее губы печально улыбнулись в ответ. – Надеюсь, мы сможем продолжить начавшуюся беседу...

На холме нас ждали лошади. Вспрыгнув в седло, я обернулся и увидел тонкую фигурку Айрис, стоящую в дверях своего жилища. Я хотел махнуть ей рукой, но почему-то не сделал этого – жеребец уже нес меня в сторону Воэна.

Энгард, попыхивая трубкой, нервно расхаживал по веранде. Едва я спешился, он бросился мне навстречу:

– Твой Монфор убит!.. И...

– Я знаю. – Я передал слуге повод и мрачно хмыкнул:

– Меня нашел Накасус. Странное получается дело, Энни. Я вижу, у тебя есть еще какие-то новости?

Дериц неторопливо взобрался по ведущей на веранду лестнице, уселся в кресло и почесал нос.

– Я должен встретиться с одним человеком, – сообщил он. – И мне потребуется свидетель.

– Свидетель этой встречи? И ты опять хочешь воспользоваться никому не ведомым южным князем?

– Мат, дело тут серьезное. Хочешь лимонаду?

Я справился с одолевавшим меня раздражением и с интересом уставился на своего друга.

– Ты, я вижу, твердо решил втянуть меня в неприятности.

– Нет. – Он выколотил трубку, задумчиво посмотрел куда-то в сторону и усмехнулся:

– Просто мне страшно вато говорить с человеком из Серебряного покоя, не имея за спиной свидетеля его слов. Он должен мне кое-что пообещать...

– Серебряный покой?! Тайная канцелярия?

– Хуже. Тайная канцелярия – это еще не Покой. Нет, официально он является высокопоставленным офицером Тайной канцелярии, но на деле все гораздо хуже. Скоро ты разберешься в наших столичных хитросплетениях...

– Энни, неужели тебе не страшно?

– Кто тебе сказал, что мне не страшно? Не страшно только идиотам... но я сам впутался в это дело, и теперь уже обратного хода нет и быть не может.

– Карета господина готова! – гулко провозгласил бас старшего конюха.

– Едем! – Энгарт встал и подхватил свою шляпу. – Он ждет нас.

К моему изумлению, кучер остановил карету посреди каких-то трущоб. Нас окружали двухэтажные дома из почер-

невшего от старости кирпича, узкая улочка полого уходила куда-то вниз, в туманную дымку гнусных испарений и гари дешевого бурого угля. Но Энгард, очевидно, ориентировался здесь прекрасно: он уверенно махнул рукой, и мы зашагали вверх, чтобы вскоре очутиться подле облезлой серой двери чьего-то жилища. Дериц подергал сломанную чугунную лапу, дверь распахнулась, в лицо мне пахнуло жареным луком.

– Ну и говно, – не выдержал я. – Офицер Тайной канцелярии живет в таком свинарнике?

– Тс-с! – перебил меня Энгард. – Где он живет – не наше дело.

Из темноты прихожей выплыла неряшливая костлявая женщина с кухонным ножом в руке. Пристально посмотрев на Энни, она молча посторонилась и кивнула в сторону едва различимой в полумраке лестницы. Взобравшись на второй этаж, мы прошли по мрачному темному коридору (я едва не опрокинул медный таз, подвешенный какой-то скотиной к стене в самом узком месте), и Энгард наконец хмыкнул:

– Прибыли.

За грязной бархатной занавесью обнаружилась приоткрытая дверь. Войдя вслед за Энни в комнату, я едва не ослеп от яркого света из широкого окна, выходившего во двор. По комнате гулял вполне свежий воздух, рвавший дым из здоровенной, отделанной серебром трубки лысоватого господина в зеленом халате, восседавшего в кресле перед камином.

– Ага, – произнес он, с улыбкой глядя на моего друга.

Господин был вполне дороден, добродушен на вид и явно не относился к низшим сословиям королевства Пеллийского. На треугольном столике перед ним располагалась бутылка дорожущего рому, пара стаканов и подставка для трубки. Под креслом я заметил несколько хаотично разбросанных газет.

– Это мой друг, – коротко представил меня Энгард. – Он будет с нами на протяжении всего разговора.

– Я всегда говорил, что ты далеко пойдешь, мой мальчик, – хохотнул дородный господин. – Что ж, твой друг – мой друг. Меня зовут барон Вилларо, но к делу это не относится. Присаживайтесь. Времени у меня очень мало, но нам пока хватит.

– Я весь внимание, барон, – отозвался Энни, садясь на плетеный стул.

– Они ушли на барке торгового дома «Лоррейн и Сульфик», – сказал Вилларо. – Причем отправка дважды откладывалась. Дважды в течение одной ночи... – Он вдруг нахмурился и потянулся к бутылке. – Мы имеем дело с удивительно изворотливыми тварями – их потеряли вечером, а потом, когда стало кое-что ясно, искать концы было уже поздно. Мои люди допросили портовых рабочих, но только утром. Будь я проклят! Когда барк вернется в Пеллию, капитан предъявит безупречные судовые документы, и мы узнаем, что ходил он, к примеру, к лавеллерам в гости... все будет абсолютно законно.

– Вы предлагаете мне заняться делами старика Лоррей-

на? – поднял бровь Дериц.

– Старый Лоррейн не стоит волосины из твоей задницы, граф. Он фигура декоративная, а делами, как вы, наверное, слышали, заправляет его внук Такео. Ушлая тварь, его уже трижды пытались прищемить, но дело заканчивалось пуком. Он не подпустит к себе таких, как я и мои ребята.

Энгард покачал головой. На его лице отразилось сомнение.

– Я попытаюсь, дорогой барон. Кое-какие связи у меня есть – но вы не боитесь, что они приведут меня в слишком высокие сферы?

Вилларо, казалось, задумался. Повертев в пальцах стакан с ромом, он всунул в рот трубку и прошамкал:

– Можешь считать, что я беру тебя под свою защиту.

– Вы сказали это, барон, – Энгард резко подался вперед, и я вдруг заметил, как дрожат у него руки.

– Да-а... – на губах Вилларо появилась грустная улыбка. – А теперь слушай – именно потому, что я это сказал... Наши друзья из Ханонго – очень странная компания. Я до сих пор не могу понять, что им нужно. Деньги? Нет, не только деньги. Что еще? Если мы это выясним, можешь считать, что Тайная канцелярия отпускает тебе грехи до третьего колена. Думай, мальчик, думай. Я знаю сотню людей, которые отдали бы левую руку за то, чтобы иметь твои сегодняшние перспективы. Проблема в том, – барон издал хрюкающий звук, – что мне не нужны ни их руки, ни их ноги вместе с яйцами.

Мне нужны только мозги, а такой товар теперь в изрядном дефиците. Думай!

Энгард вскочил и коротко поклонился. Я последовал его примеру. Мы двинулись к двери, но голос Вилларо, раздавшийся в спину, заставил Энгарда замереть на месте.

– И не пытайся ходить по воде, мальчик, – мягко произнес он. – Святые мне нужны живьем.

Минутой позже мы впрыгнули в карету, кучер свистнул бичом, и лошади понесли нас прочь от грязного переулка. Энгард нетерпеливо свернул пробку со своей фляжки.

– Ты позвал меня ради этих слов? – спросил я, удивляясь его волнению.

– Да, – отозвался Энгард. – Фактически теперь я – офицер Серебряного покая.

– Офицер без патента.

– Да, без патента. Не переживай, когда он потребуется, все печати будут на месте. Вилларо давно ведет какую-то игру, в которой ему необходимы такие фишки, как мы с тобой. Я не знаю, хорошо это или плохо. Пока – хорошо. Что будет дальше? Посмотрим. Я знаю одно – те бумаги... проклятые бумаги! Я не решаюсь с ними расстаться. Они и жизнь, и смерть. Но, прежде чем принимать какое-либо решение, следует досконально разобраться, в чем же их главная сила.

– Здесь я тебе не помощник.

– Да... что ж, примем игру...

Глава 6

Кучер резко осадил карету, и я услышал, как он поливает кого-то руганью.

Энгард напряженно прищурился, и мы оба выглянули наружу – он справа, я слева. В тупике, заканчивающемся уже привычными мне воротами, прямо на камнях примостился какой-то оборванец с длинной дудочкой.

– Пошел вон, с-скотина! – гаркнул кучер и замахнулся кнутом. – Краба тебе в задницу, разлегся, тварь!..

Парень неторопливо поднялся, показал кучеру язык и, издавая своей дудкой противные визгливые трели, прошел мимо кареты. На какое-то мгновение его глаза скользнули по моему лицу, и я ощутил смутное беспокойство. Нет-нет, я был уверен, что никогда с ним не встречался, но все же – не так давно за мной вот так же, лениво и в то же время цепко, следили глаза мальчишки из Шаркума. Я огладил рукоятку пистолета и откинулся на спинку дивана.

– Дерьмо... – хмыкнул Энгард. Я покачал головой.

* * *

Переодевшись и смыв с себя дорожную пыль, я спустился на веранду. Девушки заканчивали сервировать стол. Энгарда еще не было. Нашаривая в кармане трубку, я вдруг

остро пожалел о прервавшейся встрече – Айрис осталась там, совершенно одна в своем крохотном храмике, окруженная лишь мертвецами и собственными воспоминаниями. А я стоял здесь, бессмысленно таращась на раскачиваемые ветром бумажные фонарики, щедро развешанные кем-то под потолком. В этом ощущалась какая-то нелепость...

Энгард появился на веранде в толстом вечернем халате, держа под мышкой книгу в засаленной кожаной обложке. Небрежно швырнув ее на стол, он уселся в кресло и решительно расколотил о собственную голову вареное яйцо, дожидавшееся его в серебряном стаканчике.

– Думать будем, – сообщил он мне, изящно окуная яйцо в солонку.

– Дело хорошее, – согласился я. – О чем на сей раз?

– О ком – о Лоррейне и Сульфике. Здесь, – он похлопал по кожаному тому, – кой-какие слухи, которые я записывал в последнее время. Досье, если хочешь. Слышать мне довелось много, а забывать нельзя ничего, вот и приходится записывать.

– Такео Лоррейн? – понимающе усмехнулся я.

– Не только... Сульфик тоже дорогого стоит.

– Наверное, к старости у тебя скопится колоссальный архив слухов и сплетен...

– Правды, по большей части, – Энгард вздохнул и потянулся к графину с белым вином. – Если доживу, разумеется. Наверное, тебе еще не приходилось видеть человека, соби-

рающего сплетни?

– В таком виде – нет.

– Ну, это не мое изобретение...

У ворот неожиданно началась какая-то возня, замелькали желтые огоньки фонарей, и я настороженно прищурился, всматриваясь в уже густые вечерние сумерки. Энгард поднял голову, сунул руку в карман халата – вероятно, там он держал пистолет:

– Что такое? Эй, вы, лодыри, кто там еще к нам лезет?

На дорожке заметался, приближаясь, фонарь, и я увидел рослого парня из числа конюхов:

– Гость к господину князю... прикажете просить?

– Накасус, что ли? – Я тревожно привстал в кресле. – Зови его!

– Что-то могло случиться? – вскинул брови Энгард.

– Все, что угодно... ведь, кроме него, обо мне никто не знает...

Желтые шары трех фонарей осветили темную фигуру... Я вытаращил от изумления глаза и едва не опрокинул со стола вино – от ворот, привычно раскачиваясь, вышагивал Бэрд! Широкополая морская шляпа скрывала его лицо, но ошибиться я не мог, это был именно он. Взобравшись по лесенке, наемник сбил шляпу на затылок и сверкнул белым оскалом улыбки:

– Дорогой князь...

– Откуда ты?! – Я бросился ему на шею, но он отстранил-

ся, наклонил голову и вытащил из-под легкого плаща запечатанный пакет:

– Это вам, мой господин. Надеюсь, вы узнаете печать Иллари...

Я нырнул под свет фонаря. Печать была мне незнакома, но почерк я знал хорошо – не раз видел пометки на картах. Несомненно, это была его рука...

«Мой господин! Мои люди ищут вас по всей стране. Осмелюсь довести до вашего сведения, что непосредственной опасности для вас более не существует и вы можете вернуться в Альдоваар, где все мы, ваши друзья и слуги, ждем вас с огромным нетерпением. Также позволю себе заметить, что ваше прибытие – чем раньше, тем лучше, – необходимо еще и для того, чтобы окончательно вступить в права унаследованного вами имени. Все подтверждения будут готовы тотчас же, однако ваше присутствие является необходимым условием благополучного завершения дела. Господин Бэрд, благоразумно готовый принять вашу руку, доставит вас домой со всей возможной поспешностью.

Всегда ваш, Иллари Р.Г.М. Посселт, королевский академик.

Писано в Альдовааре, в замке Лоер...»

Стремительная черная шхуна, примчавшая нас с Бэрдом из столицы, болталась в море на якоре до тех пор, пока далекий еще берег не засветился тысячами крохотных огоньков. Ползущие с юга тучи исторгли мелкий теплый дождь, за скрипел кабестан, и якорь пополз наконец вверх. Бэрд имел указания не афишировать мое прибытие в Альдоваар, и я совершенно согласился с мудрым, как всегда, Иллари.

Я поглубже нахлобучил привычную шляпу и прошел на нос судна, всматриваясь в темные контуры быстро приближающихся гор. Где-то там, совсем уже близко, прятался в глубине древнего парка замок Лоер – мой замок. Где-то здесь, в хаосе портовых причалов и доков, стоял громадный серый корабль – мой корабль. В какой-то момент мне даже показалось, что я вижу его мачты, гордо возвышающиеся над лесом мачт прочих судов, но тянуться за подозрной трубой я не стал. Мне еще только предстояло осмыслить все происшедшее. Осмыслить по-новому, понять, что я вхожу в совершенно новую для меня жизнь – во все еще чужой для меня стране. Слишком мало времени я провел на этих жарких, пряно пахнущих землях, омываемых водами безбрежного океана. Меня ждали друзья и верные слуги... это внушало надежду.

Шхуна вновь бросила якорь в полумиле от берега. На па-

лубе появился Бэрд, державший в руке мои пожитки.

– Так будет лучше, – тихо сказал он.

Я кивнул. Завизжали тали, мягко шлепнулась на воду небольшая шлюпка. Бэрд подошел к неподвижно стоящему на полубаке шкиперу и сказал ему что-то. Я не стал следить за ними – едва за борт выбросили трап, я перелез через планшир и скользнул в лодку. Следом за мной спустились четверо матросов. Бесшумно возникший Бэрд сел на руль, и по его команде две пары весел опустились в темную плоть океана, усеянную пляшущими отражениями городских огней.

Ботик встал возле старого деревянного причала. По густой рыбной вони, пропитавшей все вокруг, я понял, что мы находимся на окраине рыбацкого порта. В сотне локтей от пристани ярко светились окна какой-то таверны. Я легко взобрался на склизкое дерево, брезгливо отер ладони и двинулся на сушу.

– Там дорога, – произнес рядом со мной Бэрд, указывая рукой в желтоватый мрак.

Мы обошли таверну и действительно спустя пару минут вышли на мощеную королевскую дорогу, что вела в сторону нижнего города. Вскоре нам попался фиакр. Усевшись на продавленный диван, я посмотрел в окошко и попытался различить в море темный силуэт нашей шхуны, но мне это не удалось – очевидно, идущее без единого огня судно было уже далеко в море. Я незаметно ухмыльнулся: с самого начала мне было понятно, что черная красавица принадлежала

филинам.

Иллари, до сих пор взволнованный, постарался максимально обеспечить мою безопасность.

Я откинулся на спинку дивана и задумался о том, как преподнести ему все происшедшее со мной. И смерть Эйно, и его уверенность в виновности Монфора, и гибель его самого, могущественного и загадочного посредника высшего ранга. Я ни секунды не сомневался в том, что между этими смертями существует самая непосредственная связь. Разумеется, виновность Монфора отпадала сама собой, но все же почему? Почему Эйно был уверен, что это он? На этот вопрос ответа не было, и я надеялся, что Иллари поможет мне продвинуться в моих поисках.

С Бэрдом я этих тем не касался. Сам он охотно рассказал мне, что пришел к Иллари буквально на следующий день после гибели Эйно. На вопрос, что же именно привело его в Лоер, он туманно заметил, что давно мучился некими предчувствиями, а потом, расхохотавшись, добавил, что окончательно убедился в том, что совершенно не создан для свиноводства и прелестей деревенской жизни.

Его тянуло в море – что ж, я был доволен. Такими людьми не разбрасываются.

«Очевидно, – думал я, – на него сильно повлияла смерть Рокаса... там, на берегах проклятой страны Рашеро». Привлекала ли его служба как таковая? Не мне было о том судить, но я видел, что он тяготится своим внезапным одино-

чеством.

Бэрд приказал вознице остановиться на перекрестке в миле от замка. Эту милю мы прошли пешком... город лежал внизу, там, за моей спиной, ярко светились никогда не засыпающие кварталы увеселений, глухо бухали паровые молоты на верфях, работающих в три смены; вскоре мы вошли в темную аллею, и все звуки остались позади, лишь едва различимый морской ветерок напоминал мне о том, что я нахожусь на побережье.

Привратник загремел железом, вскрикнул, увидев нас, и, едва заперев за нами ворота, опрометью кинулся в замок. Вскоре весь первый этаж засветился желтыми пятнами окон.

Первой меня встретила Ута. Она бежала от парадного подъезда, легкая, гибкая, обтянутая черной кожей морских штанов и короткой куртки. Я остановился.

Не говоря ни слова, девушка бросилась мне на шею, я ощутил на своей щеке ее горячие губы и вдруг почувствовал, как подкашиваются ноги. Подняв глаза, я увидел Иллари, стоящего в свете распахнутых дверей. В зубах у него была трубка с длинным изогнутым мундштуком. Он улыбался. Наши глаза встретились: я отстранил от себя девушку и шагнул к дверям. Иллари неожиданно склонился в глубоком поклоне, выпрямился и произнес:

– Ваш слуга. – А через секунду я едва не свалился от удара его ладони по спине.

Минутой позже я уже сидел возле потрескивающего поле-

нями камина и глядел, как служанки торопливо накрывают на стол. Иллари сидел рядом со мной.

– Я был уверен, что ты в столице, – сказал он, с улыбкой глядя на меня. – Там легче всего затеряться, так? К тому же ты должен был найти Накасуса или Монфора – больше тебе искать некого, так? Но я все же разослал людей по всем крупным городам...

– Накасуса я нашел, – перебил его я, глядя в огонь. – А Монфор мертв.

– Ч-что?

Иллари вскочил с кресла и наклонился надо мной, прищурив правый глаз. Я увидел, как подергивается его веко, и понял, что для Иллари эта смерть даже более неожиданна, чем для меня. У него были какие-то свои соображения. Какие, я не знал – но видел.

– Монфора убили несколько дней назад. Кто и почему – неизвестно. В доме что-то искали... но что? Его дворецкому удалось выжить с перерезанной глоткой... когда он очухается, мы будем знать гораздо больше.

– Откуда ты все это знаешь?

– От Накасуса. Но не только – я узнал бы это и другим путем. В столице у меня есть друг, младший граф Дериц. Он умнейший парень...

– Авантюрист, – утвердительно произнес Иллари. – Здесь был его слуга...

– Да, – согласился я. – И я играю в его игры.

– Ты не можешь играть в чьи-то игры.

– В его – могу. – Я сплюнул в пламя и, встав, подошел к окну. – Его игра пересекается с моей. По крайней мере, мне так кажется. Мы должны мстить: здесь Энгард Дериц для нас неоценим.

– Мы должны не только мстить, – перебил меня Иллари. – Собственно, месть является твоим личным делом. Для нас важно понять – кто и почему. И здесь мои люди...

– Все это странным образом связано одно с другим, – я резко повернулся к нему, – вот что меня интересует в первую очередь. Да-да, странным – каким, будь я проклят? И главное, что ты должен знать, – уже умирая, Эйно заявил мне, что убийцы посланы Монфором. Но Монфор тоже мертв! Почему? Почему Эйно обвинял именно его? Из каких соображений?

Иллари потер лоб.

– Обвинял Монфора? Ты уверен? Тогда я совсем ничего не понимаю... хорошо, а откуда у тебя уверенность в том, что Монфора убили не обычные бандиты? Большая шайка... в столице такое случается. У него было чем поживиться.

– Я поверил бы в это, если бы его делом занимались простые дознаватели королевской Стражи. Но там крутится человек из Тайной канцелярии...

– Это точно? – Лицо Иллари стало задумчивым.

– Точнее не бывает – не мог же Накасус ошибиться?

– Накасус точно не мог... святые предержатели, что же у

нас выходит?

– Пока я буду здесь, Энгард попытается выяснить, кто именно этот офицер: с кем связан, каковы его интересы... Я попросил его связаться с Накасусом – а тому я написал письмо, запечатав его печатью Эйно, так что он все поймет.

Накасус знает этого офицера. Но у Дерица есть свои каналы и я им вполне доверяю. Не исключено, что в скором времени Энгард будет работать на Серебряный покой.

Иллари недоверчиво скривился и хмыкнул:

– Юноша? На «серебро»?

– Он не совсем обычный юноша, – усмехнулся я. – Поживи с ним бок о бок, и сам все поймешь... нет, я чрезвычайно рад, что судьба свела меня с таким парнем. Либо он сдохнет под забором с чьей-то пулей в башке, либо когда-нибудь – причем, я думаю, очень скоро – будет заправлять большими делами. Третьего ему небеса не дали.

– Ты доверяешь ему?

– Что-то в последнее время мне уже поднадоел этот вопрос... Да. Я ему доверяю. Понимаешь, я ему нужен точно так же, как он мне. Конечно, он меня использует... Но! Мне кажется, что впереди нас ждет немало интересных дел. Именно так – нас.

Иллари покачал головой. Служанки внесли в залу сверкающую супницу, и вслед за ними вошла Ута.

Бэрд уже ждал – стоял в противоположном углу, деликатно не приближаясь к нам. Я щелкнул пальцами и сделал знак

садиться.

– За возвращение вашей милости, – немного игриво провозгласила Ута, поднимая бокал с искрящимся красным вином.

Я поболтал ложкой в тарелке с грибной похлебкой и решительно отставил ее в сторону, придвигая к себе ароматный ломоть запеченной с пряностями свинины.

Нужно было что-то сказать, но я не знал что.

– Все это слишком необычно... без Эйно, – вырвалось у меня. – Давайте сперва помянем нашего общего друга и... и хозяина.

Иллари поднялся, я встал следом за ним – скрипнула блестящая кожа на плечах Уты, и я увидел, как ее глаза заблестели слезинками.

– Теперь нам придется самим... – глухо произнес Иллари и опрокинул в рот свой золотой бокал с ромом.

Я поперхнулся, влил в себя порцию лимонной воды – ром был обжигающим, как никогда, – и впился двузубой вилкой в свинину. На меня смотрело окно, через которое мы с Эйно покидали замок в тот злосчастный вечер... Кажется, это было вчера. Кажется, вчера мы смотрели пронзительную пьесу о старом князе и его юном оруженосце, и вот – я, князь Лоттвиц-Лоер, сижу в трапезной унаследованного мной замка, а его прежний хозяин смотрит на меня с небес. Как ему там без нас?

Впрочем, компания у него и там недурная...

– Мы похоронили Эйно в море, – словно читая мои мысли, сказал Иллари. – Он всегда говорил, что мы должны похоронить его в море. Он боялся лежать в земле...

Некоторое время мы молча жевали. Иллари, поковырявшись вилкой в печеных грибах, отодвинул тарелку и решительным движением налил себе рому.

– Мы должны понять, почему он имел в виду Монфора, – негромко проговорил он.

Его рука с графином появилась рядом с моим бокалом, но я мотнул головой:

– Вина... да, мы должны понять. Я думал об этом не один день: особенно после того, как стало известно о смерти этого человека. Я уверен... да, проклятие, я уверен, что между смертью Эйно и смертью Монфора есть связь.

– Ты хочешь сказать, что они искали Череп? – спросил Иллари, глядя мне в глаза.

Я выдержал его взгляд.

– Этот вывод напрашивается сам собой. Но пока мы ни в чем не можем быть уверены. Ясно, что это не кхуманы. Кто тогда?

– Да уж, мне трудно представить себе кхуманов, вытворяющих этакие фокусы на территории Пеллии. И убийцы почти наверняка были не простыми наемниками. Возможно, впрочем, что скоро мы кое-что узнаем.

– Их ищут?

Иллари кивнул.

Я задумчиво куснул ноготь. Ищут... а найдут ли? Филины чрезвычайно могущественны, но во мне давно уже зрело тяжелое, как корабельный якорь, ощущение, что мы имеем дело с такими силами, перед которыми могут спастись даже они. Даже королевская Стража. Даже... даже Тайная канцелярия его величества. Разве что Серебряный покой, о котором я слышал жутковатые и частенько неправдоподобные легенды?..

– Те, кто придумал это адское дело, – медленно заговорил я, – знали о нас почти все. И о тебе, мой дорогой филин, тоже... и...

– Что – и? – поднял бровь Иллари.

От мелькнувшей в моем мозгу догадки у меня едва не перехватило дыхание.

– Они не знали обо мне, – почти шепотом объявил я. – Обо мне! Вот только не знаю, что нам это может дать...

– Пока ничего, – согласился Иллари после короткого размышления. – Впрочем, мы поговорим об этом завтра. Утром ты должен быть в канцелярии судьи Лоалла.

– Старика в пенсне? – удивился я.

– Да, его превосходительства Гия Лоалла, который, как ты видел, носит пенсне... Все уже решено и за все заплачено. Он засвидетельствует твою личность, потом ты дашь короткие показания по делу об убийстве, и все, дальше ты уже никому не нужен. Лоалла никогда не станет подозревать человека, которого Эйно приблизил своей волей. К тому же мое

слово тоже имеет кое-какой вес...

– Я должен вернуться в столицу. Чем раньше, тем лучше. Я надеюсь, вы справитесь без меня?

– Не совсем так... но мы что-нибудь придумаем.

Мы поболтали еще с четверть часа, потом Иллари, сославшись на неотложные дела, приказал седлать свою лошадь. Попрощавшись с ним, я схватил со стола графин вина и поплелся наверх, в свои немного подзабытые апартаменты. Меня ужасала мысль о том, что теперь, вероятно, я буду жить в комнатах Эйно. Потом, все потом!

* * *

Служебные апартаменты его превосходительства были облицованы мрамором – серым мрамором, инкрустированным розоватыми узорами королевского дома. Два стражника на входе, увидев Иллари, коротко поклонились, взметнув сверкающими плюмажами на черных шлемах. Я неловко оправил на себе перевязь со шпагой и шагнул в полутемную прохладу холла. Здесь также царствовал мрамор, мрамор и медь, серебро и черненная сталь: инкрустации были всюду, даже на перилах широкой лестницы, ведущей на второй этаж. Служитель в ливрее отворил перед нами огромную полированную дверь. На секунду я ослеп от яркого света, заливавшего просторный зал через три широченных окна. Судья сидел за огромным полукруглым столом, слева от него горбились за

пюпитрами два молодых писца. Иллари незаметно подтолкнул меня вперед.

– Господин наследник...

Судья Лоалла приподнялся в кресле и, опершись руками о столешницу, внимательно оглядел меня с головы до ног. Я опустил глаза. В эти секунды мне показалось, что по всему моему телу ползут, яростно шевеля хвостами, сотни влажных, омерзительных скорпионов; внезапно судья рухнул в кресло, и я услышал, как шуршат на его столе бумаги.

– Свидетельство «харран», – произнес он, не поднимая глаз.

Я поспешно сунул руку в карман камзола и протянул ему документ с красными печатями. Некоторое время судья молча изучал знакомую мне (пожалуй, слишком знакомую!) бумагу. Потом его правая рука совершила ленивую дугу, и к столу приблизился Иллари.

Судья придвинул ему какой-то лист и перо в чернильнице. Иллари вывел на бумаге заковыристую алую подпись – перо легло возле меня. С трудом вчитываясь в текст, я расписался рядом с его автографом и замер. Поскрипывали перья писцов... его превосходительство неторопливо достал красную печать, подышал на нее и вклеил в левый нижний угол листа.

– Копии заберете завтра, – равнодушно сообщил он.

Мы с Иллари повернулись, как солдаты на параде. В тот момент, когда до порога оставалось не более шага, судья густо прокашлялся. Я обернулся.

– Не так давно, мой князь, мне случилось побывать в столице, – Лоалла сделал паузу, поправил пенсне и неожиданно вытащил из кармана короткую глиняную трубочку, – и побеседовать с некоторыми ювелирами. Признаться, я был удивлен... никто не слышал о попытках копировать соколов рода Лэраас, а уж тем более, г-м... такими новыми способами. Вы не могли бы продемонстрировать мне эту подделку еще раз?

Я застыл на месте.

– Я не уверен, что она... до сих пор находится в наших руках...

– А вы поищите, князь. Безделушка и впрямь интересная. Может быть, в столице мне объяснят более подробно, как вы считаете?

Сокол рода Лэраас попал в руки Эйно от Монфора.

Я спускался по крытой ковром лестнице, напряженно пытаюсь понять, что он имел в виду, этот старый, помешанный на побрякушках судья – что?..

– Почему он не стал спрашивать меня о подробностях гибели князя? – меланхолично пробормотал я, поднимая глаза на Иллари.

– Вероятно, не посчитал нужным, – хмыкнул тот. – Тебе это кажется странным?

– Немного...

– Не исключено, что он заинтересуется позже... но для тебя его интерес уже не будет иметь значения.

Стражник на входе, облаченный в черную пелерину и высокий шлем с перьями, распахнул передо мной дверцу кареты. Погруженный в размышления, я почти не обратил на него внимания. Тысячи проклятий, что значат эти его слова о соколе Лэраасов? Почему эта подделка его так удивила? Чистый интерес помешанного коллекционера или что-то более серьезное, совершенно недоступное моему сегодняшнему пониманию? Иллари, как мне казалось, не мог ответить на эти вопросы: я видел, что он вообще не обратил внимания на последнюю фразу судьи.

– Мы должны поговорить о делах, – настойчивый голос Иллари вывел меня из оцепенения.

– О деньгах? – отозвался я.

– И о деньгах тоже. В замке ждет нотариус – раз ты считаешь, что должен быть в столице, нам придется оформить пару доверенностей, чтобы я мог ставить свою подпись вместо твоей. В ближайшие дни Эйно должен был завершить несколько довольно крупных сделок: если их провалить, то мы останемся почти без денег. Их, в сущности, и так совсем немного. Если жребий падет на нас...

– Жребий? О чем ты говоришь?

– О вызове... так принято говорить. Если ты окажешься ближайшим – вот прямо сейчас или завтра, то денег хватит только на один рейс. А если вызов будет не один – в короткий промежуток времени?

Я понимающе кивнул.

– Ясно... Но что бы там ни было, сейчас я должен думать о том, как распутать эту историю. И опять же – деньги: Энгард держит в руках большую силу...

– И ты думаешь, что он захочет поделиться с тобой? – Иллари фыркнул и отвернулся к окну; глаза на летящие мимо нас многоэтажные здания делового центра.

– А у него, скорее всего, не будет другого выхода.

Моряк пожал плечами и ничего не ответил. Я видел, что он не слишком-то верит мне, но сейчас это было не главным. Я подумал о том, что должен сегодня же перерыть все возможные тайники и найти загадочного сокола – если, конечно, он и впрямь остался у Эйно. А завтра я поеду к его превосходительству... и, возможно, он прояснит туман, так упорно разъедающий мне мозги.

Глава 7

Иллари уехал сразу же после того, как нотариус выписал несколько бумаг с красными печатями. Каждая доверенность была составлена в двух экземплярах – один отходил Иллари как доверенному лицу нового князя Лоттвиц-Лоер и Гасарпаар, другой оставался у меня. Поглядев, как растворяется в зеленоватом полумраке аллеи его экипаж, я приказал подать обед наверх, в мой новый кабинет.

О тайниках я знал все. Эйно ознакомил меня со всеми хитроумными нишами, подполами и выемками в потолках, показал, как работают отпирающие их механизмы и заставил повторить весь процесс самостоятельно. Сейчас, вспоминая об этом, я с горечью подумал, что он ощущал близость гибели и боялся оставить меня не готовым к тому, что меня ждало. К чему?..

Пока мне разогревали суп из дичины со специями, я проверил наличие проклятого Черепа. Он находился там же, куда я засунул его после того, как вытащил из нижнего сейфа, занимавшего часть углового стеллажа с книгами по левую руку от старого, попорченного чернилами письменного стола, – в глубоком, как колодец, зачем-то отделанном свинцом тайнике, искусно скрытом под ореховым паркетом возле среднего окна. Для того чтобы туда добраться, мне пришлось отщелкнуть едва заметную бронзовую пуговку, при-

держивающую край ковра, а потом надавить на гладкую дощечку, одновременно повернув ее вправо. Вслед за дощечкой провернулись и две ее соседки. Стоя на коленях, я засунул руку в темную дыру и нащупал там знакомый мне мешок из грубо выделанной кожи.

Здесь драгоценностей не было – еще когда я прятал Череп перед тем, как удрать из Альдоваара, я обратил внимание на то, что тайник был пуст. В обоих сейфах – нижнем и верхнем – лежала целая гора толстых кожаных папок, кое-какое оружие, несколько кошель с монетами и королевскими ассигнациями, и ничего похожего на мешки или шкатулки. А ведь после прибытия из Рашеро у Эйно оставалось еще немало побрякушек и золота в слитках, это я помнил точно.

Значит, драгоценности находились в каком-то другом месте. В каком? Таких мест в этом замке было немало. Прежде всего следовало искать на чердаке, вернее, в верхней смотровой башенке, возвышавшейся над острой крышей замка.

Я быстро расправился с супом, отодвинул в сторону второе и, захватив с собой увесистую связку ключей, отправился наверх.

На чердаке верхнего этажа я разжился медным фонарем с сильной линзой.

Огниво подпалило фитиль, я откинул видневшийся меж стропил люк и поднялся по крепкой дубовой лесенке. Здесь было достаточно светло, но я знал, для чего мне фонарь. Обойдя башенку по кругу, я осторожно ухватил фонарь зу-

бами и подпрыгнул, чтобы зацепиться за торчащий из конического потолка крюк. С его помощью я повис на манер летучей мыши и сильно толкнул одну из резных деревянных загогулин, обильно украшавших потолок. Рядом со мной тотчас же распахнулся черный лаз. Крыша башенки была двойной. Неловко изгибаясь, я всунулся ногами вперед в пыльную темноту и тотчас же съехал на заднице вниз.

Сидеть здесь было неудобно, болтаться с зажженным фонарем в воздухе – опасно, но другого выхода у меня не было.

Я повертел головой и сразу же увидел то, что искал, – три увесистых мешка из чертовой кожи, обшитые множеством карманов.

Коробку из темного лакированного дерева, в которой, как я помнил, когда-то находился сокол и еще какие-то побрякушки, я нашел во втором по счету мешке: она лежала в кармане, плотно затянутом кожаной лентой. Фальшивая драгоценность ярко блеснула в свете фонаря.

– Будь я проклят, – прошипел я, рассматривая безделушку неведомого мне столичного рода, – что ж в тебе такого? Почему о тебе, сокол-орел, Эйно упоминал перед самой смертью?

Я тщательно запер тайник и спустился вниз. Сокол, лежащий в кармане моей легкой домашней куртки, едва не обжигал мне бок – казалось, я физически ощущал его присутствие. Раскулив трубку, я запер загадочную безделушку в сейф и вызвал слугу.

– Скорохода ко мне.

«Ваше превосходительство! – вывел я на листе гербовой бумаги и задумался, не зная, в каком тоне выдержать письмо, – потом все же решился придерживаться куртуазной манеры. – Почтительнейше обращаюсь к Вам с просьбой уделить мне малую толику Вашего внимания завтра до полудня. Ваш слуга, князь...» и так далее.

Скороход стоял у меня за спиной, ожидая, пока я закончу. Я долго рылся в столе – печать я нашел сразу, а вот подушечка с красной краской оказалась засунута в самую глубь нижнего ящика. Печать принадлежала Эйно, своей у меня еще не было. Хмыкнув, я подумал, что пока она мне и не нужна, сделаю позже, в столице.

– Найдешь судью Лоалла, – распорядился я, – и подождешь ответа. Где его превосходительство может сейчас быть, я не знаю...

– Найду, ваша милость, – скороход позволил себе улыбнуться уголками губ.

– Прекрасно..

Подождав, пока он уйдет, я раскрыл сейф и вытащил несколько папок. В них оказались сотни документов, аккуратнейшим образом разглаженные и подшитые.

Некоторые были попорчены морской водой. Проглядев этот архив, я быстро убедился, что передо мной обычные договора, доверенности и расписки, не имеющие особого отношения к тому архиву, речь о котором шла в толстой тет-

ради, врученной мне Эйно.

Та тетрадь... о, та старая, крепкая тетрадь с желтоватыми хрустящими листьями – она содержала великое множество невероятных, не всегда доступных моему пониманию тайн. Но к ней требовался второй, другой архив, который Эйно вел в течение многих лет своей жизни в качестве делового посредника, принимавшего участие в сделках представителей иных миров. Ссылки на этот архив встречались едва ли не на каждой странице. Я должен был найти его во что бы то ни стало, и чем скорее, тем лучше. Для того чтобы занять место моего ушедшего хозяина, мне следовало изучить не только правила торговли и привычки некоторых его партнеров – об этом в «тетради наставлений», как я окрестил ее про себя, говорилось довольно много, – но и разобраться в деталях множества сделок и событий, имевших место в прошлом.

В прошлом, так или иначе связанном с нашей странной планетой.

Я нащупал висевший на груди круглый золотой медальон, тяжелый и теплый на ощупь, и подумал, что я буду испытывать в тот миг, когда он позовет меня, – страх? восторг? Нет – скорее ответственность за возложенное на меня дело...

Я уже знал, что медальон, с которым не расставался Эйно Лоттвиц, содержал в себе непостижимое устройство, посредством которого с ним переговаривались те, кто нуждался в его услугах. Теперь владельцем этой жутковатой штуки был я... меня позовут, назовут мне место и срок. Когда это

будет?

Хоть завтра, как сказал Иллари, а ведь он хорошо знает, что говорит.

Из окна подул прохладный морской ветер, и мне показалось, что в кабинете стало холодно. Я раздраженно, злясь на самого себя, распахнул темный, покрытый растрескавшимся лаком буфет и вытащил графин с крепким южным вином, бокал и кисет с необыкновенно крепким зельем, которое часто покуривал по вечерам Эйно.

Прибежавший на мой зов слуга принес мне подносик с бисквитами.

– Где госпожа Ута? – спросил я у него.

– Госпожа находится в библиотеке, – в глазах молодого парня блеснуло некоторое удивление. – Прикажете просить?

– Да.

«Он служит здесь совсем недавно, – подумал я ему в спину, – и еще не разобрался в наших взаимоотношениях. Вероятно, парняга посчитал, что Ута была наложницей Эйно... а я, едва заняв его место здесь, в кабинете, стремлюсь запрыгнуть и в его постель».

Подругой Эйно – жены он не имел – была крупная, немного флегматичная красавица из хорошей семьи, выданная родителями за дипломата-лавеллера, который оказался ослабленным по причине неудачного падения с лошади. Едва до нее дошел этот факт, как дамочка с яростью расторгла скандальный брак и предпочла завести необременительную

дружбу с загадочным князем-корсаром, который по полго-
да болтался среди далеких волн и положительно влиял на ее
репутацию светской львицы. В удивительной Пеллии подоб-
ная репутация играла ей на руку: женщинам королевства и в
голову не приходило хоть в чем-то уступать мужчинам.

– Ты обедал в одиночестве? – голос Уты заставил меня
резко повернуться в кресле.

– Да... надеюсь, ты не голодна? Бери бокал и присаживай-
ся вот сюда, ко мне. Нам нужно поговорить.

Девушка молча достала из буфета высокий серебряный
бокал и уселась в кресло рядом со мной. Я плеснул ей вина и
пододвинул бисквиты. Трубка в моей руке презрительно со-
чилась синим дымком, я смотрел, как он, не успев поднять-
ся к потолку, рвется потоком воздуха из окон, чтобы превра-
титься в едва заметное серое марево. Я встряхнул головой и
повернулся к Уте.

– Тебе приходилось участвовать в коммерческих делах
Эйно?

Ута заметно вздрогнула и посмотрела на меня с некото-
рым удивлением.

– Его дела вел в основном Иллари... я только помогала с
некоторыми бумагами или так же, как тогда, с тобой, достав-
ляла по адресу какие-нибудь записки, документы... кое-кого
я, конечно, знаю – я имею в виду некоторых его постоянных
партнеров, – но сказать, что я разбираюсь в его торговле? Н-
нет... А почему ты спрашиваешь меня об этом?

– Не думай, что я не доверяю Иллари. Дело в другом... мне хотелось бы услышать еще чье-либо мнение: твое, к примеру. Я знаю, что Эйно нечасто выходил в море на охоту по праву королевского корсара. Я знаю, что он шантажировал и запугивал королевских чиновников, увязших в противозаконных сделках. Откуда он добывал информацию? Он никогда не работал в столице. Иллари? – Имя моряка я произнес тихо, почти шепотом, но Ута прекрасно поняла меня.

– И да, и нет, – ответила она. – У него были какие-то другие осведомители, не филины, ты понимаешь меня?

– Теперь нет, – честно признался я. – Его личные осведомители?

– Какие-то люди в столице... мне кажется, что о них не знал даже Иллари. То есть догадывался, конечно, но ведь ты сам давно понял: князь был чрезвычайно скрытным человеком. Нам он рассказывал только то, что было необходимо для дела, а все остальное держал при себе. Не из-за недоверия, нет! Он... мне иногда казалось, что он не хотел подводить каких-то своих друзей, понимаешь?

– Это были столичные друзья?

– Это были люди, которые знали очень и очень много.

– Монфор, – я пристукнул ладонью по столу и тяжело вздохнул. – Монфор, Накасус и кто-то еще. Проклятие, но кто же?

– Ты продолжаешь думать о мести? – осторожно спросила Ута.

– Не только.

Я встал, прошелся по кабинету, потом остановился у окна. Мне уже не было холодно. У меня в голове, назойливо вибрируя, крутились какие-то колесики, отыскивающие неведомые пока варианты истины.

– Можно было бы плюнуть на все это и заняться коммерческим шантажом в прежнем духе или, к примеру, выйти в море навстречу какому-нибудь пиратскому каравану, – но! Ты сама понимаешь, что Эйно убили не просто так. Это какая-то очень темная и загадочная история. Я уверен, что до тех пор, пока я не раскручу ее до самого конца, опасность грозит всем нам. И еще я знаю, что ниточки тянутся из столицы.

В дверь осторожно поскреблись.

– Да! – крикнул я и едва не потянулся к бедру в поисках пистолета – столичная жизнь, полная постоянного страха, ставшего каким-то даже родным, выработала у меня привычку хвататься за оружие всякий раз, когда я слышал стук в дверь.

– Его превосходительство был на месте, – доложил мне запыхавшийся скороход.

Я распечатал записку и тотчас же отбросил ее в сторону.

– Поэтому, – сказал я, возвращаясь в кресло, – ты пока останешься здесь. А со мной поедет, наверное, Бэрд...

Судья ждал меня к полудню.

Стражники на входе вяло отдали мне честь и отвернулись в сторону, всем своим видом демонстрируя полнейшее безразличие к хорошо одетому юноше, приехавшему в большой карете без гербов. Все верно, я выглядел как парень из состоятельного, но вовсе не аристократического рода – мне совершенно не хотелось афишировать свое новоприобретенное достоинство. Нашупывая в кармане камзола проклятую золотую игрушку, я приблизился к дверям уже знакомого кабинета. Судейский лакей просверлил меня внимательным взглядом и нехотя разомкнул узкие бледные губы:

– Князь Маттер Лоттвиц-Лоер?

Я молча кивнул. Лакей медленно повернулся и потянул ручку огромной двери.

К моему изумлению, его превосходительство поднялся мне навстречу. Более того, по его знаку оба писца вскочили со своих мест и исчезли за дверями.

Лоалла выжидательно нахмурился.

– Вот он, ваша милость, – я поспешно сунул руку в карман и протянул ему украшение.

Лоалла осторожно взял сокола и, держа его двумя пальцами, поднес поближе к жарким полуденным лучам, струящимся из окна.

– Знаете, князь, – задумчиво произнес он, – в столице мне

рассказали историю о подобной вещи, попавшей в руки одного коллекционера.

Я напрягся, ожидая, что он скажет дальше, но Лоалла умолк, внимательно разглядывая безделушку. Я стоял за его спиной, переминаясь с ноги на ногу...

– История этой вещицы выглядит запутанной и загадочной. Впрочем, – судья неожиданно повернулся, и на его лице коротко блеснула улыбка, – скоро я вновь приеду в столицу, и может быть, может быть...

Он вернулся за стол и, распахнув верхний ящик, достал несколько гербовых листов.

– Вы сможете оставить это изделие у меня? Так, на некоторое время – возможно, позже вы захотите его продать?..

– Я... я не стану возражать, – ответил я, едва двигая непослушным языком.

– Вот и прекрасно! – Лоалла обмакнул перо в массивную серебряную чернильницу и принялся что-то писать. – Кстати, о гибели вашего дорогого наставника: в документах о дознании речь идет о случайном налете случайных же грабителей. Я позволил себе отметить ваши показания задним числом, вашей подписи там не требуется... – Судья поднял голову и бросил на меня лукавый взгляд. – Я понимаю, – он вздохнул и снова углубился в писанину, – что вопросы, связанные с обстоятельствами смерти князя Эйно, являются для вас слишком личными, чтобы я мог себе позволить...

– Понимаю вас, – тихо произнес я.

– Беспокоиться вам не о чем. Я же со своей стороны могу вам гарантировать, что ни один человек в Альдовааре не позволит себе совать свой нос в ваши глубоко конфиденциальные дела... распишитесь вот здесь, князь.

Я приблизился к столу и взял в руки перо с красными чернилами.

– Это документ о передаче на хранение безделушки, известной как «сокол рода Лэраас, происхождение сомнительно». Прошу вас. Как только я смогу прояснить его, так сказать, «происхождение», я немедленно сообщу вам свои выводы. Благодарю вас, князь...

Я медленно спустился вниз и остановился в шаге от дверей парадного входа.

Лоалла, несомненно, что-то знал, но что? Проклятие, почему он молчит? О чем он может знать или, хотя бы, догадываться? В чем же кроется загадка этого дурацкого сокола, которого умирающий Эйно назвал орлом? Решительно двинув тяжеленную дверь, я шагнул на вылизанную мостовую и поспешил скрыться в чреве кареты.

Мой тяжелый, похожий на лакированный ящик экипаж неспешно двигался в нижнюю часть города – самый короткий путь к замку проходил по набережной, потом следовало взобраться на гору по хорошо знакомой мне дороге... Я раскурил трубку и откинул в сторону шторы на окнах. И в ту же секунду увидел там, внизу, в прозрачном мареве раскаленного солнцем воздуха, мачты своего корабля. Моя рука

почти неосознанно потянулась к окошку в передней стенке кареты.

– Спустишься в порт, к «Бринлеефу», – приказал я кучеру.

Вскоре экипаж замер у каменного причала. До барка оставалось около тысячи локтей, но дальше проехать мы не могли – кругом были навалены бочки, тюки и ящики, между которыми там и сям стояли ломовые подводы, запряженные четверками громадных, одинаково понурых коней с длинными гривами. Я нахлобучил на голову шляпу и выбрался наружу. В нос мне ударил почти забытый запах – сложная смесь из ароматов смолы, дерева и морской волны, лениво плещущей о камень пирса.

Снующие по причалу грузчики ловко уступали мне дорогу; я шел, до боли всматриваясь в близкий силуэт огромного пятимачтового корабля, замершего в десятке локтей у старого, источенного морем каменного пирса. «Брин» стоял правым бортом, и над сушей нависали тяжелые реи с зарифленными парусами. Мне была хорошо видна высокая корма с четырьмя решетчатыми фонарями в половину моего роста и дюжиной закрытых сейчас пушечных портов на уровне оружейной палубы. В вымытых стеклах кормовых иллюминаторов нестерпимо отсверкивало полуденное солнце.

Почти неосознанно прибавив шагу, я подошел совсем близко и вдруг остановился, любуясь серой сталью, покрывавшей борт корабля. Так я стоял, наверное, с минуту, пока

меня не окликнул молодой матрос, сидевший на вантах грот-мачты с трубочкой в зубах:

– Хотите зафрахтовать, мой господин? Так вам туда, в порт, – и, издевательски махнув рукой в сторону рыбной пристани, визгливо расхохотался.

– Позови вахтенного! – крикнул я, ощущая, как заливаются краской мои щеки. – Я князь Лоттвиц-Лоер и Гасарпаар, ублюдок! А ты, клянусь своей печенкой, сейчас получишь плетей!..

Я наговорил хамовитому матросу еще много чего, но тот меня уже не слушал – соскользнув на палубу с такой скоростью, словно был намазан маслом, оболтус исчез за высоким планширом, и буквально через несколько секунд на трапе появился Тило.

– Мой господин! – завопил он, едва не ломая на бегу ноги.

Старик не обременял себя поклонами – напротив, его узловатые лапищи смяли мое тело так, что я чуть не завопил. Кое-как высвободившись из его объятий, я вымученно улыбнулся и махнул рукой:

– Ну, идем же!..

– Прикажете построить команду? – спросил Тило, шустро двигаясь рядом со мной по трапу.

– В этом нет нужды. Лучше Расскажи мне, в каком состоянии находится наш старый кораблик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.